Годъ V. Воскресенье, 26 августа 1928 года. **№ 35.**

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЦЕРКОВНО-НАРОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Адресъ Редакціи и Администраціи: Warszawa (4), Zygmuntowska 13. „Woskresnoje Cztienje".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой 24 злотыхъ, на полгода 13 злотыхъ, на 3 мѣсяца 7 злотыхъ, на 1 мѣсяцъ 2 зл. 50 гр.; отдѣльный номеръ 75 грошей. **Заграницу:** на годъ 3 доллара, на полгода 1 долл. 75 центовъ, на 3 мѣсяца 1 долларъ, на 1 мѣсяцъ 50 центовъ; отдѣльный номеръ 20 центовъ.

ЦѢНА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: страница—80 зл., 1/2 стр. 45 зл., 1/4 стр.-25 зл., 1/8 стр.-15 зл., 1/16 стр. 10 зл. Объявленія помѣщаются по особому соглашенію съ Администраціей журнала.

Въ семъ году годовые подписчики получатъ 13 безплатныхъ приложеній.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРОТОПРЕСВИТЕРЪ Т. ТЕОДОРОВИЧЪ.

О КНИГѢ МИТРОПОЛИТА АНТОНІЯ „ИСПОВѢДЬ" И ВЪ СВЯЗИ СЪ КНИГОЙ.

„Исповѣдь"—небольшая книжка въ 98 страницъ—безцѣнный даръ богословствующаго Архипастыря священству и, въ частности, какъ бы прощальный завѣтъ священству той любимой имъ Волыни, съ которой Владыка Митрополитъ Антоній, авторъ книги, связанъ долголѣтнимъ святительствомъ. Авторъ вынашивалъ святыню своего духовнаго опыта десятки лѣтъ, расточая его въ лекціяхъ, бесѣдахъ, въ той исключительной общительности, которая составляетъ характерную и рѣдкую черту Архипастыря; но, чтобы собрать воедино и запечатлѣть въ письменахъ, у него не было времени, ибо „времени свободнаго — только ночи" (слова автора). Такъ и сейчасъ злосчастно складываются въ церковной жизни обстоятельства, что за церковно-административной работой нѣтъ времени для духовнаго руководства, для воспитанія пастырства. На обложкѣ книги съ грустью мы встрѣчаемъ приписку автора: „Записано въ 1919 году, въ плѣну"... Мы не перестаемъ болѣть о судьбѣ послѣднихъ годовъ извѣстнѣйшаго во всемъ православномъ мірѣ Архипастыря М. Антонія, заслуги котораго, казалось бы, давали право на иную жизненную долю, особенно на старости лѣтъ; но, вспомнивъ о жизненномъ Крестѣ Христовомъ, всегда имѣющемъ свою благодатность и спасительность, даже для другихъ, мы—пастыри Церкви—должны благословлять *этотъ* мимошедшій плѣнъ Митрополита Антонія, и именно за то, что, „располагая свободнымъ временемъ въ избыткѣ", какъ заключенный въ уніатскомъ монастырѣ, онъ написалъ „Исповѣдь". Исключительная значимость книги М. Антонія выявляется какъ изъ самой важности трактуемаго предмета и способа его изложенія, такъ изъ того богатства мыслей, чувствъ и той проникновенности, которая есть результатъ глубокаго религіознаго опыта Преосвященнаго автора. Вмѣстѣ съ авторомъ мы всѣ хорошо знаемъ, что опустошенія духа въ наше меркантильное время отразились и на значимости въ сознаніи исповѣди, этого величайшаго акта церковно-христіанской жизни, такъ тѣсно соединеннаго съ причащеніемъ Пречистаго Тѣла и Крови Христовой. Формализмъ, побѣдоносно закравшійся въ нѣдра церковной жизни, помимо всѣхъ другихъ современныхъ факторовъ, опустошающихъ духовную жизнь вѣрующаго, значительно обезличилъ, *упростилъ* этотъ единственный актъ смиренно-исповѣдническаго общенія вѣрующаго съ Христомъ, при участіи Его служителя, какъ посредника съ правомъ „вязать и рѣшить". Въ большинствѣ забыты эти періоды говѣнія, это время для „печали яже по Бозѣ", ничѣмъ чаще всего не выдѣляющіеся въ общественномъ и семейномъ быту изъ обычнаго суетливаго времени, кромѣ чина службъ храмовыхъ, посѣщаемыхъ къ тому же очень мало даже въ городахъ,—разумѣемъ первую недѣлю великаго поста съ покаяннымъ канономъ и другіе дни св. четыредесятницы. И эта небрежность къ исповѣди, какъ къ духовному акту, который долженъ бы начинаться въ домашней обстановкѣ, отражаться въ стѣнахъ школы, интимно чувствоваться даже за канцелярскимъ столомъ и только завершаться подъ епитрахилью священника, захватила всѣ возрасты и всѣ сферы, такъ или иначе руководящія жизнью, людьми. Какъ будто жизнь устроила тайный, негласный сговоръ: „теоретически признаемъ Бога, Христа, но подходить къ Нему человѣку, срастаться со Христомъ, будемъ препятствовать подъ всякой благовидностью". Служащій въ какихъ бы то ни было учрежденіяхъ не можетъ получить 2-3 дней для исполненія христіанскаго долга исповѣди; школы, даже такія, которыя готовятъ къ пастырству, тоже соединяютъ говѣніе и исповѣдь съ посѣщеніемъ лекцій. А бѣдная, закрѣпощенная у господъ своихъ прислуга? Нужно-ли больше говорить о томъ, чтó тамъ, откуда идетъ руководство жизнью, гдѣ истоки жизни семейной, общественной, даже государственной? Тамъ не только *нѣтъ сочувствія* той близости человѣка со Христомъ, какая выявляется ярче всего въ исповѣди и слѣдуемомъ за ней причащеніи: *повсюду* сквозитъ прикрытый, а иногда и явный протестъ противъ религіи, Бога, Христа, той или другой Церкви. И въ результатѣ чаще всего остается и наблюдается та неуглубленная традиціонность въ дѣлѣ исповѣди, въ которой есть нѣчто священное, еще влекущее исполнить „долгъ, завѣщанный вѣками", но которая не захватываетъ души кающагося, а только скользитъ по поверхности его житейскаго моря, и въ то же время не даетъ того духовнаго удовлетворенія пастырю, которое заставляетъ его плакать съ плачущимъ грѣшникомъ и радоваться съ радующимися о Господѣ.

Если приходится мириться (но не примиряться) съ жизненными фактами такъ неблагопріятствующими исполненію долга исповѣди, относя нѣкоторую долю „упадочности" исповѣди на счетъ этихъ отрицательныхъ жизненныхъ факторовъ, то все же *необходимо признать*, вмѣстѣ съ авторомъ книги, что *главная причина того, что исповѣдь въ церковномъ обиходѣ не на должной высотѣ заключается въ духовенствѣ, во всемъ его составѣ, отъ верху до низу.* Скрывать язвы—это значитъ еще глубже ихъ гноить. Тутъ два тѣсно связанныхъ момента: какъ мы, пастыри, относимся къ своей личной исповѣди и, въ связи съ этимъ, какъ мы совершаемъ исповѣдь своихъ чадъ. Совѣсть пастырская, какъ болѣе отвѣтственная, требуетъ особенной зоркости и чистоты, ибо она до нѣкоторой степени зеркало и руководитель совѣстей людскихъ.

И потому непраздный вопросъ — часто ли мы, пастыри, очищаемъ *свою* совѣсть? Обставляемъ ли мы этотъ религіозный актъ должнымъ вниманіемъ и приготовленіемъ,—вѣдь въ христіанствѣ—мало теоріи, наученія словомъ: *все покажи въ жизни, въ примѣрѣ.* И хотя исповѣдь есть актъ душевной интимности, но не келейный; хотя личный, но на людяхъ; хотя для себя, для Бога, но и для людей. Это есть торжество души не въ отдѣленности отъ людей, а въ общеніи взаимнаго прощенія обидъ, взаимной молитвы, любви и радости... Чувствуетъ ли народъ исповѣдь пастырства, его покаянность, дѣлается ли теперь что-либо для этого? Не потому-ли создаются такія курьезныя недоумѣнія: да исповѣдуются-ли батюшки, архіереи? И потому этотъ моментъ кающагося пастыря въ приходѣ должно оттѣнять. Вѣдь трудно ожидать отъ священника, невнимательнаго къ своей собственной исповѣди, чтобы онъ не по казенному, не формально отнесся къ совѣсти вѣрующихъ, чтобы онъ глубже заглянулъ въ душу кающагося, помогъ ему увидѣть у себя то, что обычно жизнію прикрывается и закрывается. Вотъ тутъ то и требуется внутренняя зоркость и чуткость пастыря, сердечно участливое отношеніе духовника, а этотъ даръ пріобрѣтается только тѣмъ пастыремъ, который внимательно провѣряетъ и очищаетъ свою совѣсть. Если же помимо фарисейскаго

отношенія къ исповѣди примѣшивается еще какой-либо матеріальный интересъ, то во что обращается исповѣдь? Такая исповѣдь убиваетъ душу, отгоняетъ отъ Церкви, отъ Христа.

И все же, какія бы опустошенія ни совершала діавольская сила зла въ вѣрующемъ человѣчествѣ, исповѣдь *никогда* не потеряетъ своей значимости, являясь единственнымъ и незамѣнимымъ прибѣжищемъ для грѣшной тоскующей души, единственнымъ средствомъ для самобичеванія, для отрезвленія и исцѣленія страждущаго грѣшника. И чѣмъ сложнѣе и запутаннѣе жизнь, чѣмъ больше соблазновъ и паденій окружаетъ человѣка, соотвѣтственно тому и духовникъ съ большимъ вниманіемъ, осторожностью и углубленностью долженъ подходить къ кающейся душѣ, помня, что „онъ можетъ" спасти душу, покорить ее Христу, или погубить, оттолкнуть ее, быть можетъ, навсегда отъ Церкви, отъ Христа. И если вспомнить всѣми наблюдаемую недостаточную подготовленность молодого поколѣнія пастырей къ своему служенію (часто не по ихъ винѣ), недостаточную по условіямъ времени общительность пастырей между собою, такъ цѣнную для пастырскаго дѣланія, рѣдкое общеніе священника со своимъ архипастыремъ, неимѣніе книжныхъ руководствъ для пастырскаго служенія, — то *значеніе для пастырства книги „Исповѣдь" получаетъ первостепенную важность.* „Исповѣдь" должна быть настольной книгой пастыря; ее недостаточно только прочесть—ее надобно изучить, и не только молодому пастырю, и не только городскому. Она нужна пастырю какъ для личнаго самопознанія и самоуглубленія, такъ и для руководства душами людей. И только пастырь небрежный въ своемъ дѣлѣ не зажжется безпокойствомъ, узнавъ о книгѣ съ *такимъ* заглавіемъ и *такого* автора, и не приметъ для своего руководства, для провѣрки себя въ святомъ дѣлѣ исповѣди.

Содержаніе книги опредѣляется предметными 22 мя заглавіями ея частей, причемъ первыя главы касаются значенія исповѣди, ея вліянія, душевнаго настроенія самого духовника, внѣшнихъ условій разумной исповѣди и духовнаго руководства; а затѣмъ, переходя къ духовному врачеванію, авторъ съ особенной подробностію останавливается на грѣховныхъ расположеніяхъ, страстяхъ, а не на отдѣльныхъ грѣховныхъ проступкахъ.

Такъ идутъ главы; „о невѣріи и маловѣріи", „духовной мнительности", „страхѣ сознанія въ грѣхѣ", „самооправданіе", „духовная прелесть", „недуги воли и сердца" „гнѣвъ, гордыня, тщеславіе"; съ особенной подробностью и необычной откровенностью разбираются грѣхи противъ седьмой заповѣди („хотя и не отрадно писать эти строки и эту главу, но намъ хорошо извѣстно, насколько духовники неопытны въ своемъ дѣланіи", пишетъ авторъ); „пьянство", „прочія страсти и отдѣльные грѣхи", „зависть", „сребролюбіе", „особые грѣхи", „грѣхи противъ ближнихъ", „грѣхи противъ Бога", „грѣхи противъ собственной души" и, наконецъ, „эпитиміи".

Мы нарочно перечислили всѣ главы, чтобы показать богатство содержанія, которое, конечно, выявляется только въ изложеніи, ничего общаго не имѣющаго съ тѣмъ сухимъ схоластическимъ изложеніемъ или лучше сказать перечисленіемъ грѣховныхъ состояній, которое мы въ свое время находили въ учебникахъ по нравственному богословію. Здѣсь все жизненно, современно и разобрано психологически тонко. Нѣкоторыя главы, напр., о гнѣвѣ, седьмая заповѣдь и другія—это цѣлые трактаты изъ области нравственности, которые, какъ и вся книга, могутъ служить весьма полезнымъ чтеніемъ для духовнаго самопознанія и для борьбы съ грѣхомъ, а равно—руководствомъ для цѣлаго цикла проповѣдей, бесѣдъ, напр., въ великомъ посту, какъ приготовленіе къ исповѣди, что и предвидитъ самъ авторъ. Цѣнное въ книжкѣ и то, что богатство просвѣщеннаго ума и неисчерпаемый источникъ духовнаго опыта даетъ возможность автору иллюстрировать свои убѣжденія и наставленія яркими примѣрами изъ святоотеческой литературы, свѣтской современной, изъ богатой духовнымъ опытомъ жизни самого автора—Митрополита, причемъ—что такъ важно для духовенства—даны указанія о книгахъ, источникахъ литературныхъ для тѣхъ изъ пастырей, кто хотѣлъ бы расширить свои знанія по предмету духовнаго врачеванія.

Если бы книга Митрополита Антонія „Исповѣдь" когда-либо могла быть расширена, весьма полезна была бы глава „о первой исповѣди", о значимости ея въ смыслѣ религіозныхъ впечатлѣній нерѣдко на всю жизнь и, потому, съ указаніями объ особенно бережномъ отношеніи къ „малымъ симъ". При вторичномъ изданіи книги могла бы быть расширена заключительная глава объ эпитиміяхъ, въ чемъ требуется большое руководство, особенно для молодыхъ духовниковъ. Насколько эпитимія является потребной для души кающагося, свидѣтельствуютъ тѣ слова благодарности духовнику, которыя нерѣдко тутъ же выливаются изъ устъ кающихся (особенно простолюдиновъ).

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить простоты, ясности изложенія и задушевности тона, такъ вполнѣ отвѣчающей характеру самой исповѣди. Изложеніе ведется часто въ діалогической формѣ: бесѣды автора съ духовникомъ (какъ бы возражающимъ автору), или бесѣды духовника съ кающимся. Тонъ не строго учительный и начальственный, а сердечно участливое обращеніе отца или многоопытнаго старшаго собрата. Эта проникновенная архипастырская учительность невольно захватываетъ и какъ бы переливается въ душу пастыря, чувствующаго въ каждомъ словѣ, совѣтѣ—не только высшее разумѣніе, но глубокую сознательную вѣру, испытанную любовь къ пастырю и благопопеченіе о грѣшной кающейся душѣ.

Чтобы оправдать свои мысли и украсить свои строки, приведу въ заключеніе нѣсколько выраженій изъ первой главы книги:

„Исповѣдь, совершаемая служителемъ Христа, есть такое дѣло, которое въ нѣкоторомъ смыслѣ должно сопровождать *всѣ его отношенія* къ вѣрующимъ"... „Большинство нашего духовенства само не знаетъ, какая великая духовная сила находится въ рукахъ вѣрующаго духовенства"... „Наши священники и прочія духовныя лица и вообще сыны духовнаго сословія не представляютъ себѣ исповѣдь *такъ таинственно, такъ трепетно и такъ мучительно,* какъ обыкновенные міряне, простые или образованные"... Вѣдь „бесѣда между двумя людьми на исповѣди составляетъ собою явленіе совершенно исключительное въ жизни исповѣдующагося и вообще въ жизни людей"... „На совѣсти почти каждаго человѣка есть дѣла, слова и мысли, въ которыхъ онъ подъ ножемъ не признался бы своимъ знакомымъ,—а придетъ день и часъ исповѣди, и онъ добровольно все это излагаетъ своему духовнику"...

„Очъ быть можетъ нѣсколько лѣтъ уже уклонялся отъ исповѣди потому только, что не могъ побѣдить своего стыда, своей гордыни, но если ужъ онъ пришелъ, то распнетъ себя духовно и разскажетъ свой грѣхъ. Подумай объ этомъ, іерей Божій, и пожалѣй, полюби человѣка. Никогда человѣкъ не бываетъ такъ прекрасенъ, такъ милъ Богу, какъ тогда, когда онъ убиваетъ предъ Нимъ и предъ тобою свою гордыню"... „Блаженъ ты, духовникъ, если Богъ те-

бѣ скажетъ, что именно можетъ послужить на пользу твоему духовному чаду для совершеннаго или постепеннаго отрѣшенія отъ прежнихъ грѣховъ. Но Богъ помогаетъ только труждающимся, а не лежащимъ, говоритъ святитель Тихонъ Задонскій, а вотъ ты и долженъ главною задачею своей жизни поставить *пріобрѣтеніе опытности духовнаго врачеванія*"... „Для пріобрѣтенія опытности духовнику должно поработать прежде всего *надъ самимъ собою*; въ чемъ эта забота? Отвѣтъ: *должно полюбить людей*, полюбить человѣка по крайней мѣрѣ въ эти минуты, когда онъ отдалъ себя тебѣ, отдалъ себя Богу. *Лучшимъ, чѣмъ въ эти минуты, ты едва-ли его встрѣтишь*, и если ты не постараешься теперь полюбить его, то никогда не полюбишь въ условіяхъ обычной жизни"... (1-7 стр.).

Горячей неизмѣнной благодарностью ученика своему высокому учителю я заключаю свои пастырскія мысли, свои чувства и свою радость, какую дала мнѣ книга „Исповѣдь".

АРХИМ. ФИЛИППЪ МОРОЗОВЪ.

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА*).

XI Глава. (ея продолженіе). Разочарованіе Соловьева въ осуществленіи «вселенской теократіи» и въ Католичествѣ. Православный принципъ. «Панмонголизмъ» (стихотвореніе), 1894 г. «Три разговора» съ «Краткой повѣстью объ Антихристѣ», 1899 г.

3.—Мало того, что Соловьевъ убѣдился въ неосуществимости теократіи, онъ почувствовалъ ее какъ ложь.

Въ самомъ дѣлѣ. Вотъ въ концѣ вселенной, по изображенію Соловьева, въ „Трехъ разговорахъ", раздробленныя раньше государства сливаются въ одну, дѣйствительно всемірную имперію антихриста. Ея глава хочетъ осуществить то самое, въ чемъ раньше Соловьевъ видѣлъ задачу вселенской теократіи,—осуществить въ формахъ церковно-государственной организаціи вселенскій миръ между народами и исповѣданіями. И эта попытка оказывается дерзновеннымъ „обманомъ", „личиной добра", прикрывающей „тайну беззаконія".

„Народы земли!—гласитъ манифестъ антихриста.—Свершились обѣтованія! Вѣчный вселенскій миръ обезпеченъ! Всякая попытка его нарушить сейчасъ же встрѣтитъ неодолимое противодѣйствіе. Ибо отнынѣ есть на землѣ одна серединная власть, которая сильнѣе прочихъ властей порознь и вмѣстѣ взятыхъ. Эта ничѣмъ неодолимая, все превозмогающая власть принадлежитъ мнѣ, полномочному избраннику Европы, императору всѣхъ ея силъ... Народы земли — миръ вамъ!" Вообще между теократіей, какъ ее раньше представлялъ себѣ Соловьевъ, и новымъ римскимъ царствомъ императора-антихриста есть разительное и, очевидно, не случайное сходство 8).

Тѣ самыя благодѣянія, коихъ философъ ожидалъ раньше отъ третьяго Рима—Россіи, подъ покровительствомъ Римскаго папы, достаются теперь на долю объединеннаго человѣчества отъ „сына беззаконія". Тутъ есть вся старая Соловьевская схема христіанской политики, но только —безъ Христа.

Прежде всего, антихристъ осуществляетъ старую юношескую мечту философа о соціальной реформѣ, „по желанію бѣдныхъ и безъ ощутительной обиды для богатыхъ". Затѣмъ, въ согласіи съ той-же мечтой, въ новомъ Римѣ животныя изъ орудія и средствъ культуры превращаются въ друзей человѣка, благодаря любовному попеченію императора „филозоя". Вслѣдъ за благополучнымъ разрѣшеніемъ вопросовъ политическаго и соціальнаго, зданіе новой священной римской имперіи увѣнчивается разрѣшеніемъ вопроса религіознаго. Замыселъ антихриста и тутъ копируетъ прежніе „внѣшніе замыслы" Соловьева: разрѣшеніе религіознаго вопроса новый властитель міра видитъ въ соединеніи церквей и въ союзѣ двухъ высшихъ властей — святительской и царской. Посему императоръ-антихристъ отъ имени всѣхъ христіанъ предлагаетъ Священной Коллегіи кардиналовъ избрать въ папы „его возлюбленнаго друга и брата" Аполлонія, католическаго епископа, дабы ихъ тѣсная связь сдѣлала прочнымъ и неразрывнымъ единеніе Церкви и государства для общаго ихъ блага" 9).

Ясно, что царство антихриста отъ начала и до конца осуществляетъ — въ видѣ сатанинской пародіи—вселенскую теократію. Теократія играетъ здѣсь роль бѣсовскаго наважденія, которое извращаетъ царствіе Божіе въ его противоположность. Соціальная реформа въ духѣ всеобщей свободы, равенства и братства во Христѣ здѣсь матеріализуется въ равенствѣ всеобщей сытости. Досугъ пресыщеннаго человѣчества наполняется постоянными наслажденіями, ложными чудесами и знаменіями антихристіанской культуры. Наконецъ, адское искаженіе соединенія церквей заключается въ томъ, что оно происходитъ помимо Христа и противъ Него.

Соловьевъ старается показать, что каждое изъ раздѣленныхъ христіанскихъ исповѣданій таитъ въ себѣ своего антихриста,—грѣшитъ тѣмъ, что предпочитаетъ Христу какую-либо земную величину, имѣющую лишь временное, относительное значеніе. Адскій замыселъ антихриста заключается именно въ томъ, чтобы объединить исповѣданія посредствомъ ловкой эксплоатаціи антихристіанскаго элемента каждаго изъ нихъ, иначе говоря, соединить ихъ въ общемъ отреченіи отъ Христа. Антихристъ исходитъ изъ того предположенія, что для каждаго вѣроисповѣданія дороже не Христосъ, а вѣроисповѣдная особенность: для католиковъ это — „духовный авторитетъ папы"; для православныхъ это „священное преданіе, старые символы, старыя пѣсни и молитвы, иконы и чины богослуженія"; наконецъ для протестантовъ это—„личная

*) См. „Воскресное Чтеніе" №№ 10, 12, 14, 16, 17, 18, 19, 21, 25, 26, 27.

8) „Три разговора", соч. Вл. Соловьева. Послѣдняя глава: „Краткая Повѣсть объ Антихристѣ", т. VIII, стр. 566.

9) „Три разговора" соч. В. Соловьева. Послѣдняя глава: „Краткая повѣсть объ Антихристѣ", т. VIII, стр. 564-578.

увѣренность въ истинѣ и свободное изслѣдованіе священнаго Писанія".

Льстя каждой изъ этихъ особенностей, антихристъ хочетъ привлечь къ себѣ католиковъ—во имя авторитета, православныхъ—во имя преданія, протестантовъ—во имя свободнаго изслѣдованія. Онъ требуетъ отъ нихъ только одного: чтобы каждая христіанская Церковь возвела свое вѣроисповѣданіе, свое вѣроисповѣдное отличіе—въ безусловный принципъ и признала его—антихриста—своимъ „единственнымъ заступникомъ и покровителемъ". Этимъ самымъ въ замыслѣ антихриста Христосъ перестаетъ быть незамѣнимымъ и единственнымъ для Церкви, и тѣ христіане въ своемъ подавляющемъ большинствѣ, которые согласились на эти антихристіанскія условія и пошли за антихристомъ, изъ членовъ Церкви Христовой превращаются въ церковь антихриста. „Значительное большинство Собора,—говоритъ Соловьевъ,—и въ томъ числѣ почти вся Іерархія Востока и Запада находилась на эстрадѣ" антихриста. „Внизу оставались только три, сблизившіяся между собою кучи людей, жавшихся около старца Іоанна, папы Петра и профессора Паули" 10).

4.—Въ концѣ повѣсти объ антихристѣ, этому ложному, призрачному объединенію противополагается истинное соединеніе христіанъ и христіанскихъ церквей во Христѣ: въ этомъ заключается центральная мысль сочиненія.

Для характеристики воззрѣній Соловьева въ послѣдній періодъ его творчества, въ частности для выясненія его новаго отношенія къ теократіи, это противоположеніе имѣетъ рѣшающее значеніе: ибо именно здѣсь обнаруживается то, въ чемъ полагаетъ Соловьевъ существенное отличіе между подлиннымъ царствіемъ Христовымъ и бѣсовской на него пародіей. Здѣсь приходится отмѣтить въ его сочиненіи поразительную черту: царствованіе антихриста изображается, какъ вселенская теократія, т. е. какъ церковно-государственная организація, которая хочетъ объединить въ общемъ служеніи антихристу и въ общей религіи антихристовой—священство, царство и пророчество, а подъ ихъ руководствомъ—и все человѣчество.

Если-бы Соловьевъ держался теперь прежнихъ своихъ воззрѣній, для него было-бы совершенно обязательно противопоставить здѣсь теократію Христа теократіи антихриста, дать изображеніе истиннаго соединенія священства, царства и пророчества, т. е. —той церковно-государственной организаціи, которая должна во имя Христа объединить человѣчество противъ „сына погибели". Но ничего подобнаго мы не видимъ въ „Трехъ разговорахъ". Объединеніе человѣчества во Христѣ у него дѣйствительно совершается, но внѣ государственныхъ формъ, по ту сторону политики, а, стало быть, и по ту сторону теократіи: государство не только не участвуетъ въ этомъ объединеніи, но становится въ рѣзко враждебныя ко Христу отношенія: въ заключительной борьбѣ между добромъ и зломъ, государство поглощается зломъ и цѣликомъ передается антихристу.

Это—не какой-либо случайный эпизодъ. Весь заключительный періодъ исторіи христіанства изображается въ „Трехъ разговорахъ", какъ процессъ постепеннаго отрѣшенія жизни религіозной отъ жизни не только государственной, но и всякаго мірского могущества. Для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій это есть прежде всего процессъ постепеннаго очищенія. Христіанство вслѣдствіе гоненій „нравственно подобралось и подтянулось, и выигрывало въ качествѣ то, что потеряло въ количествѣ" 11).

Въ связи съ этимъ смягчилась вражда отдѣльныхъ исповѣданій. Папство,—вслѣдствіе изгнанія изъ Рима и, послѣ многихъ скитаній, нашедшее, наконецъ, пріютъ въ Петербургѣ,—смирилось, „значительно опростилось и одухотворилось", и въ Католичествѣ самъ собою исчезъ рядъ злоупотребленій и соблазнительныхъ обычаевъ.—Протестантство „очистилось отъ своихъ крайнихъ отрицательныхъ тенденцій, сторонники которыхъ открыто перешли къ религіозному индифферентизму и невѣрію". „Въ евангелической церкви остались лишь искренно вѣрующіе, во главѣ которыхъ стояли люди, соединявшіе обширную ученость съ глубокою религіозностью и съ все болѣе усилившимся стремленіемъ возродить въ себѣ живой образъ древняго, подлиннаго христіанства". Наконецъ, „русское православіе послѣ того, какъ политическія событія измѣнили офиціальное положеніе церкви, хотя потеряло многіе милліоны своихъ мнимыхъ, номинальныхъ членовъ, зато испытало радость соединенія съ лучшей частью старовѣровъ и даже многихъ сектантовъ положительнаго религіознаго направленія". Эта обновленная Православная церковь, „не возрастая числомъ, стала расти въ силѣ духа, которую она особенно показала въ своей внутренней борьбѣ съ размножившимися въ народѣ и обществѣ крайними сектантами, не чуждыми демоническаго и сатанинскаго элемента".

Раньше Соловьевъ видѣлъ тутъ спасеніе человѣчества въ объединеніи и совмѣстной дѣятельности церкви и государства. Теперь, наоборотъ, онъ убѣждается, что въ дѣйствительности спасеніе должно совершиться черезъ ихъ взаимное освобожденіе: только отрѣшившись окончательно отъ всякаго господства въ государствѣ и отъ связанныхъ съ нимъ выгодъ, раздѣленныя церкви созрѣваютъ для совершеннаго и окончательнаго объединенія во Христѣ 12).

Этимъ опредѣляется окончательный отвѣтъ Соловьева на вопросъ о подлинномъ царствіи Христовомъ. Въ той заключительной антитезѣ, которая выражаетъ собою основную мысль „Трехъ разговоровъ", теократія оказывается не преддверіемъ рая, а широкими вратами ада. Подлинное соединеніе церквей и дѣйствительное возрожденіе человѣчества совершается не благодаря покровительству, а какъ разъ наоборотъ, благодаря активной враждѣ государства противъ Христа и Церкви. Не теократія Христова преодолѣваетъ въ концѣ вѣковъ безбожное государство, а Церковь гонимая торжествуетъ надъ теократіей „князя міра сего".

Раньше Соловьевъ вѣрилъ, что соединеніе церквей будетъ началомъ огромнаго, всемірно-политическаго переворота. Теперь,—въ его глазахъ,—оно выражаетъ собою конецъ всего мірского: оно совершается вдали отъ міра „среди темной ночи, на высокомъ и уединенномъ мѣстѣ". И не земная, а небесная слава осѣняетъ это соединеніе истинныхъ послѣдователей Христа: „Темнота ночная вдругъ озарилась яркимъ блескомъ, и явилось на небѣ великое знаменіе"

10) Стр. 571—574.

11) Тамъ-же, стр. 568.

12) Тамъ-же, стр. 568 и 569.

жена, облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ" 13).

Въ концѣ всего, воздвигнутое антихристомъ зданіе вселенской теократіи тонетъ въ огненномъ озерѣ, и вмѣстѣ съ нимъ проваливается въ бездну ложная мечта Соловьева о мірскомъ „теократическомъ" владычествѣ Сына Божія. Вѣрующіе-же непосредственно соединяются со Христомъ: „Небо распахнулось великою молніею отъ востока до запада, и они увидѣли Христа, сходящаго къ нимъ въ царскомъ одѣяніи и съ язвами отъ гвоздей на распростертыхъ рукахъ. Въ то-же время отъ Синая къ Сіону двигалась толпа христіанъ, предводимыхъ Петромъ, Іоанномъ и Павломъ, а съ разныхъ сторонъ бѣжали еще иныя восторженныя толпы: то были всѣ казненные антихристомъ евреи и христіане. Они ожили и воцарились со Христомъ на тысячу лѣтъ" 14).

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

13) Тамъ-же, стр. 580.
14) Стр. 581,582.

Изъ печати.

О Православныхъ храмахъ.

Не приходится пространно доказывать громаднаго значенія храмовъ для всякой вѣры и Церкви. Храмъ является не только мѣстомъ совершенія таинствъ и молитвеннаго общенія вѣрующихъ съ Богомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и организаціоннымъ узломъ общества вѣрующихъ, ихъ видимымъ средоточіемъ, наконецъ—реальнымъ показателемъ дѣйствительности ихъ вѣрованій, символомъ религіознаго сознанія. Поэтому, построеніе храма и его содержаніе въ надлежащемъ благолѣпіи, наконецъ, обладаніе имъ и пользованіе было всегда и будетъ непремѣннымъ атрибутомъ организованной жизни христіанской общины, въ нашихъ условіяхъ—прихода.

Независимо отъ всѣхъ этихъ теоретическихъ предпосылокъ всякому, практически знакомому съ жизнью православнаго населенія, хорошо извѣстно, какую огромную роль играетъ въ этой жизни храмъ—церковь. Безъ него, т. е. безъ церковнаго зданія, широкія массы вѣрующаго народа вообще не мыслятъ и не представляютъ себѣ религіозной жизни. Только сосредоточившись вокругъ своего храма вѣрующіе ощущаютъ свое единеніе—съ Богомъ и между собой, только въ храмѣ и предъ его лицомъ они чувствуютъ себя дѣйствительно православными христіанами.

Отсюда та страстная привязанность къ своему собственному, родному храму, та ревнивая любовь къ нему, которая подчасъ почти въ болѣзненныхъ формахъ проявляется всѣмъ вѣрующимъ православнымъ народомъ. Отсюда представленіе, что храмъ есть нѣчто неотдѣлимое отъ самаго существа вѣры, и что покушеніе на этотъ храмъ, на его цѣлость и принадлежность православному приходу отождествляется съ нарушеніемъ самой вѣры, съ угрозой ея существу.

Всѣ эти проявленія религіозной психики православнаго населенія, столь ясныя и понятныя всякому православному и съ нашей точки зрѣнія заслуживающія всемѣрнаго одобренія и поощренія, очевидно, въ значительной мѣрѣ остаются чуждыми сознанію иновѣрцевъ, или же матеріалистовъ, привыкшихъ расцѣнивать всѣ движенія общественной психики съ раціоналистической точки зрѣнія и считать ихъ всѣ безъ исключенія подлежащими измѣренію мѣрой и числомъ.

Отсюда то, отчасти непонятное намъ, обидное и болѣзненно-несправедливое отношеніе, которое замѣчаемъ мы въ Польшѣ въ отношеніи вопроса о православныхъ храмахъ даже со стороны общественныхъ

Софія Прорвичъ.

ОТЕЦЪ АЛЕКСѢЙ.

Блаженъ тотъ, кто пріобрѣлъ терпѣніе: потому что у терпѣнія есть упованіе; упованіе же не посрамляетъ (Римл. V, 4-5).

I.

На Страстной недѣлѣ, въ седьмой классъ духовнаго училища, гдѣ за партами чинно сидѣли ученицы, вошелъ законоучитель.

— Сегодня, дѣти, я заниматься съ вами не буду и объяснять не стану, какіе великіе дни приблизились къ намъ; это вы безъ словъ, всей душой понимаете и чувствуете ихъ святость. Постарайтесь же въ эти великіе дни уйти отъ суеты, отъ страстей и вражды, помня, что Христосъ даже на крестѣ молился за враговъ Своихъ.

— Я, между прочимъ, съ умиленіемъ вспоминаю,—держась за сѣдую бородку, продолжалъ батюшка,—какъ на моей родинѣ крестьяне, особенно женщины, придерживаются прекраснаго обычая: на Страстной седьмицѣ каждая изъ нихъ старается сдѣлать по силѣ своей доброе дѣло и дѣлается оно у нихъ тихо, секретно.

— Вотъ и вы, дѣти, старайтесь и дома всегда слѣдовать этому хорошему примѣру обычаю и вамъ тогда еще радостнѣе будетъ праздникъ Воскресенія Христова.

Законоучитель ушелъ, а его простая рѣчь свѣжо и долго еще звучала въ классѣ, затронувъ нѣжныя струны въ юныхъ сердцахъ ученицъ; а въ синихъ прекрасныхъ глазахъ ученицы Милитины заблестѣли слезы радости. Она еще не знала, что будетъ дѣлать, но въ предчувствіи того, что она сдѣлаетъ „доброе дѣло", было ощущеніе неизвѣданнаго счастья, которое она ревниво затаила отъ подругъ, пытливо взглядываясь, вслушиваясь въ тихую жизнь училища; не зазвучитъ ли гдѣ пугливая нотка страданія; не потребуется ли помощь—почва для „добраго дѣла". Случай для этого представился тамъ, гдѣ она совсѣмъ не ожидала.

Какъ то разъ Милитина зашла въ училищную кухню и увидѣла тамъ дѣвочку лѣтъ шести, которую часто она встрѣчала, среди училищной прислуги.

Дѣвочка стояла возлѣ кухарки и жадно сосала хвостикъ селедки, закусывая чернымъ хлѣбомъ.

— А! Таничка, здравствуй! Какая ты теперь миленькая!—восхищалась Милитина дѣвочкой.

— Ну ужъ! развѣ можетъ быть миленькой такая замарашка? А вѣдь это дитя изъ духовнаго званія, дочка діаконицы вдовы бѣдной; да еще одна, и сынъ дома несчастный не учится .. Тутъ вотъ и живятся отъ училища горемычные—печальнымъ, кого то упрекающимъ тономъ, ворчала кухарка Ѳедорушка, складывая въ бумажный мѣшочекъ, оставшіяся отъ обѣда ученицъ кусочки чернаго хлѣба и суя въ руки дѣвочки, говорила:

— На, занеси и отдай мамкѣ и Оленькѣ.., тоже вѣдь ѣсть хотятъ.

элементовъ и лицъ, повидимому воодушевленныхъ самыми благими намѣреніями и проникнутыхъ желаніемъ осуществлять принципы формальной справедливости. Отсюда, въ значительной мѣрѣ, то легкомысленное и какое то несерьезное, однобокое отношеніе къ нашимъ храмамъ, которое мы постоянно наблюдаемъ въ значительной части польской печати, независимо отъ ея направленія.

При первомъ же знакомствѣ съ этимъ вопросомъ поражаетъ совершенное отсутствіе установившагося принципіальнаго взгляда въ отношеніи общественнаго мнѣнія и твердой правовой нормы — въ отношеніи властей къ православнымъ храмамъ. Въ печати, правда, мы неоднократно читаемъ увѣренія, что православныя церкви должны быть разсматриваемы какъ христіанскія храмы и, слѣдовательно, пользоваться уваженіемъ, подобающимъ таковымъ. Это, однако, лишь теорія. Когда же дѣло доходитъ до установленія практическаго отношенія къ данному конкретному православному храму, то почти всегда выдвигаются соображенія другого порядка, притомъ иногда самыя неожиданныя.

Чаще всего въ такихъ случаяхъ выступаютъ мотивы чисто политическія. А именно, принимается какъ нѣчто данное и безспорное положеніе, что Православная Церковь вообще является наслѣдіемъ руссификаціоннаго метода русскаго правительства, и что православный храмъ доженъ быть трактуемъ какъ одинъ изъ атрибутовъ этого метода. Независимо отъ этого, а часто—наряду съ этимъ высказываются взгляды, диктуемые соображеніями эстетическаго, нравственнаго и т. п. порядка.

На крайнемъ флангѣ, такъ сказать, въ этомъ отношеніе стоитъ католическая печать, высказывающая взгляды диктуемые римско-католическимъ духовенствомъ; причисляющіеся сюда органы прессы защищаютъ мнѣніе, что Православная Церковь въ Польшѣ находится въ положеніи чрезмѣрно благопріятномъ и даже привиллегированномъ и что, въ частности, тоже самое можетъ быть сказано и о православныхъ храмахъ.

Подобныя газеты, напр., „Полякъ Католикъ" № 157, сводятъ весь вопросъ о православныхъ храмахъ къ ироническимъ замѣчаніямъ на тему, что „православное духовенство считаетъ себя жестоко обиженнымъ отобраніемъ у него нѣкоторыхъ католическихъ костеловъ и уніатскихъ церквей, находившихся въ обладаніи Православной Церкви незаконно и безъ нужды".

Снова и снова приходится напоминать о тѣхъ, по крайней мѣрѣ, десяткахъ православныхъ храмовъ, которые были построены таковыми и тѣмъ не менѣе сейчасъ незаконно превращены въ католическіе костелы. Намъ незачѣмъ перечислять ихъ, такъ какъ они много разъ назывались въ „Воскресномъ Чтеніи", и всякій изъ насъ знаетъ, что такихъ церквей не мало. Всѣ мы знаемъ также, что при этомъ не соблюдался даже , такъ странно звучащій въ примѣненіи къ храму, принципъ „потребности". Мы можемъ назвать много мѣстностей, въ особенности на Холмщинѣ и въ Гродненщинѣ, въ которыхъ православное населеніе осталось безъ храма, переосвященнаго въ римско-католическій костелъ, совершенно ненужный католическому населенію, отсутствующему въ данной мѣстности, или же располагающему въ свою очередь безспорнымъ католическимъ костеломъ. Таково положеніе въ Бищѣ, Городкѣ, Супрасли и многихъ другихъ мѣстахъ.

Католическая печатъ до такой степени непоколебимо увѣрена въ справедливости подобнаго своего мнѣнія, что совершенно серьезно внушаетъ его своимъ читателямъ. Такъ, напримѣръ, газета „Унія" въ № 167, говоря объ учрежденіи при Министерствѣ Исповѣданій Украинской Переводческой Комиссіи, по этому поводу пищетъ:

„Нигдѣ въ мірѣ національныя меньшинства не пользуются такой широкой свободой какъ въ Польшѣ... Польское Правитель-

---

Милитина чутко ловила каждое слово кухарки и ея юную душу захватилъ свѣтлый порывъ. Она преобразилась. Синіе глаза ея говорили, что она счастлива: наконецъ то представляется удобный случай сдѣлать „доброе дѣло", въ эти великіе дни Страданій Христовыхъ, и долго не думая она схватила за руку кухарки и горячо проговорила:

— Ахъ Өедорушка! мнѣ такъ хочется посмотрѣть, какъ живутъ бѣдныя люди... Я такъ люблю эту бѣдненькую Таню! я хочу подарить ей что-нибудь къ празднику Пасхи.

— А вотъ они тутъ недалече живутъ,—рукой подать... Я иду въ лавченку, перцу недохватъ. Идемте со мной и зайдемъ на минутку и къ нимъ.

— Что вы, Өедорушка! развѣ вы не знаете, что безъ спросу нельзя ни на шагъ выйти изъ училища? а спросить не позволятъ теперь.

— Да какой тутъ спросъ на доброе дѣло, барышня! глупости все это; идемъ те! Это же минутное дѣло.

Два магическихъ слова: „доброе дѣло", заставили Милитину забыть строгую дисциплину училищную и чрезъ минуту она робко вошла во дворикъ діаконицы и заглянула въ открытую дверь.

Двѣ дѣвочки сидѣли на измятой постели, поджавъ подъ себя ножки и грызли кусочки хлѣба. У печки стояла ихъ мать, съ красными пятнами на впалыхъ щекахъ; она была взволнована и перестала говорить только тогда, когда увидѣла на порогѣ Өедорушку а за ней—не знакомую дѣвушку.

За столомъ, склонясь надъ книгой, сидѣлъ юноша и когда онъ поднялъ голову, въ его глазахъ дышало волненіе.

— Здравствуйте, Ксенія Адамовна! ну какъ здоровье ваше?.. А я—на минутку только къ вамъ; вотъ этой барышнѣ ужъ очень полюбилась ваша Таня... я, говоритъ, хочу видѣть, какъ она живетъ,—торопливо говорила Өедорушка и повернувшись къ Милитинѣ, указала ей на дѣвочекъ.

— Посмотрите, барышня, вонъ ваша любимица улыбается; посидите минуточку съ ней, пока я сбѣгаю въ лавочку.

— Войдите, барышня, въ комнату... Алеша, подай же стулъ!—суетилась діаконица.

Юноша лѣниво всталъ и пододвинулъ дѣвушкѣ стулъ. Глаза ихъ встрѣтились.

Какой онъ блѣдный, худой.. какое на немъ все старое! какія же они бѣдные,—сочувственно думала Милитина. Какое ангельски-прекрасное, неземное у нея лицо; точно мадонна, — и подъ различными впечатлѣніями, вызванные два тихіе вздоха двухъ юныхъ чистыхъ сердецъ, слились, улетая въ невѣдомую даль будущаго; а діаконица, довольная, что есть предъ кѣмъ излить свое неудовольствіе на неудачника сына, обратилась къ Милитинѣ:

— Вотъ вы, барышня, учитесь, хотите имѣть свой кусокъ хлѣба; это радуетъ родителей вашихъ; а мой сынокъ вона не учится бѣдный, прогнали изъ училища.. только книжки читаетъ.

ство дѣлаетъ все, чтобы удовлетворить религіозныя потребности украинскаго населенія. Даже больше. Помогаетъ очистить литургію и обычаи отъ московскаго налета, желаетъ имъ вернуть ихъ прежнюю форму".

Для газеты совершенно не существуетъ такого больного и насущнаго для всѣхъ православныхъ въ Польшѣ, въ томъ числѣ и для украинцевъ, вопроса о закрытыхъ и отобранныхъ православныхъ храмахъ.

Болѣе независимая печать признаетъ, что въ этомъ отношеніи не все обстоитъ совершенно благополучно, но и она относится къ вопросу какъ то легковѣсно и твердо придерживается мнѣнія, что православные храмы не являются собственностью Православной Церкви, а скорѣе принадлежатъ государству или даже тѣмъ лицамъ или учрежденіямъ, которымъ они почему либо понадобились или которыя успѣли ихъ захватить. Весьма любопытна и поучительна полемика, происходившая на указанную тему въ выходящей въ г. Радомѣ газетѣ „Земя Радомска" въ цѣломъ рядѣ номеровъ между 22 мая и 14 іюня с. г.

Дѣло въ томъ, что въ Радомѣ до войны имѣлись 4 православныя церкви. Одна изъ нихъ была устроена въ б. католическомъ костелѣ, другая являлась домовой церковію гимназіи, и обѣ они сейчасъ не могутъ идти въ счетъ. Двѣ другія церкви были построены какъ православные храмы; и вотъ одна изъ нихъ—приходская—сейчасъ разобрана, а другая—занята подъ клубъ и помѣщеніе уѣзднаго союза резервистовъ и б. военныхъ. Проживающій въ этомъ городѣ нотаріусъ В. Рогусскій помѣстилъ въ выше упомянутой газетѣ письмо, въ которомъ указывалъ, что въ самомъ Радомѣ живетъ около 400 православныхъ, не считая военныхъ, а также живущихъ въ сосѣднихъ уѣздахъ, что имъ по справедливости слѣдовало бы имѣть собственный храмъ, но они преимущественно люди бѣдные и построить его не въ состояніи, а посему являлось бы необходимымъ возвратить православнымъ то церковное зданіе, которое въ настоящее время занято союзомъ резервистовъ, и въ которомъ раньше было полковое собраніе, а затѣмъ — военный кинематографъ.

Эта благородная и въ настоящихъ условіяхъ необычайно смѣлая инціатива была встрѣчена совершенно отрицательно мѣстнымъ польскимъ обществомъ. Заключая изъ мнѣній, опубликованныхъ по этому поводу редакціей, мы видимъ, что представители этого общества совершенно отрицаютъ право православныхъ гражданъ г. Радома на обладаніе своимъ прежнимъ православнымъ храмомъ и въ крайнемъ случаѣ признаютъ за нимъ право построить новый храмъ, но за свой счетъ, безъ поддержки со стороны государства или городского самоуправленія. Впрочемъ, предсѣдатель союза резервистовъ поручикъ Маевскій оказался такимъ оптимистомъ, что предложилъ даже, увѣряя въ успѣхѣ подобной мѣры, собирать пожертвованія на постройку православной церкви въ Радомѣ и среди католическаго населенія. Но и онъ относится отрицательно къ проэкту возвращенія храма православнымъ, на томъ основаніи, что этимъ могли быть нарушены интересы союза резервистовъ, и такъ какъ зданіе церкви „приспособлено для нуждъ арміи (пекарня, театръ, кабина съ аппаратомъ кинематографа и т. д.)".

По этому поводу помѣстили письмо въ газетѣ и православные жители г. Радома, но и они, умудренные какъ видно знаніемъ мѣстныхъ условій, не рѣшаются претендовать на безусловный возвратъ церковнаго зданія, а лишь скромно намекаютъ на это, признавая возможность и постройки другого храма, если изъ неизвѣстныхъ источниковъ будутъ найдены для этого необходимыя средства.

Дискуссія была закончена новымъ письмомъ г. Рогусскаго, въ сущности констатирующаго безплодность ея результатовъ и настаивающаго лишь на правильности своего теоретическаго взгляда о необходимости храма для православныхъ. При этомъ указывается на необходимость оказанія матеріальной помощи

А покушать все же хочется, а гдѣ возьмешь, — безъ науки? А помощи нѣтъ никакой.

Алеша поднялъ голову; глаза его, потемнѣвшіе, съ укоромъ остановились на матери.

— Мама! зачѣмъ ты преувеличиваешь? Ты знаешь, что меня не выгнали изъ училища, а я самъ ушелъ и знаешь—почему —Послѣдняя нотка его почти дѣтскаго голоса, скорбно зазвучавъ, рѣзко оборвалась.

Жизнь будничная, суровая, первый разъ приподняла край своего таинственнаго покрывала предъ очами Милитины: она увидѣла, какъ Алеша, стоя у окна и сдерживая рыданіе, вздрагивалъ, какъ отъ холода и растерянная, потрясенная, она рванулась, не разсуждая, навстрѣчу этому молчаливому горю:

— Вы, Алеш... простите, я не знаю вашего отчества... вы хотите опять учиться?.. У меня есть дядя въ М. онъ членъ консисторіи, имѣетъ вліяніе и очень добрый... я напишу ему и попрошу, чтобы онъ похлопоталъ за васъ, чтобы приняли на счетъ казны васъ въ М—ю семинарію... Дядя любитъ меня и я увѣрена, что онъ исполнитъ мою просьбу и вы будете учиться... успокойтесь и не горюйте, Алеша...

Торопливая, полная искренняго, теплаго участія, рѣчь дѣвушки всколыхнула замкнутую душу Алеши, онъ забылъ, что первый разъ видитъ эту дѣвушку; въ печальныхъ глазахъ его зажглась надежда и онъ по-дѣтски разсказалъ ей о своемъ горѣ:

— Мой отецъ умеръ и на училищномъ совѣтѣ не вошли въ мое положеніе,—волнуясь говорилъ Алеша, — и я не стерпѣлъ и ушелъ съ третьяго класса семинаріи самъ и теперь очень жалѣю; если вы напишете, то я на всю жизнь останусь вашимъ благодарнымъ должникомъ.

Какъ во снѣ вышла Милитина изъ квартиры діаконицы и, уединившись, въ классѣ, написала обѣщанное письмо и, между прочимъ, добавила:

— Дядя, голубчикъ мой! я оканчиваю училище и какъ желторотый птенецъ въ шестнадцать лѣтъ вылетаю изъ гнѣзда и плохо мнѣ будетъ безъ мамочки... Сдѣлай же, дорогой дядя, это доброе дѣло, о которомъ я тебя прошу; оно — первое въ моей жизни, которое я должна сдѣлать.

Послѣ Пасхи, Алеша, не вѣря своему счастью, былъ зачисленъ ученикомъ въ М—ю семинарію стипендіатомъ, а Милитина, окончивъ училище, уѣхала въ село, гдѣ священствовалъ ея, вдовый давно, отецъ, считая дни въ ожиданіи пріѣзда юной хозяйки.

— Папочка милый! какъ давно я ждала этой минуты, чтобы самой заботиться о тебѣ, вмѣсто мамы, — воскликнула Милитина, обнимая своего одинокаго папочку.

II.

Прошло четыре года. Милитина превратилась въ пышную красавицу, но осталась по прежнему довѣрчивой, простой, безотчетно вѣрящей въ жизнь, въ счастье, любящая природу, чувствующая въ ней Бога.

въ этомъ отношеніи правительствомъ и городскимъ самоуправленіемъ со ссылкой на то, что, напр., въ пажескомъ корпусѣ въ Петербургѣ имѣлась особая католическая часовня, и что въ г. Тамбовѣ, т. е. въ центральной Россіи, при постройкѣ тамъ католическаго костела мѣстное земство ассигновало на эту цѣль 15.000 рублей.

Послѣднее письмо иниціатора заключается слѣдующими словами:

„Лично я считаю лишеніе православныхъ собственнаго храма въ Радомѣ однимъ изъ тѣхъ „беззаконій", которыя, по словамъ Маршала, развились передъ майскими событіями въ Польшѣ и устраненіе которыхъ составляетъ одну изъ задачъ настоящаго правительства... Зачѣмъ намъ искусственно воспитывать среди части нашего общества чувство обиды, когда такъ легко устранить эту несправедливость. Культивированіе и неустраненіе такихъ беззаконій являлось бы расчлененіемъ государства, а устраненіе ихъ—самымъ лучшимъ его скрѣпленіемъ. Я допускаю, что случаи подобные дѣлу о православномъ храмѣ въ Радомѣ могли произойти не только здѣсь, но и въ другихъ мѣстностяхъ государства, въ особенности на кресахъ и поэтому считаю, что обсужденіе этого вопроса имѣетъ значеніе не только для Радома".

Мы привели этотъ разумный и благородный голосъ, но съ сожалѣніемъ вынуждены отмѣтить, что онъ, насколько знаемъ, не нашелъ себѣ подражателей въ польской печати и является настоящей бѣлой вороной.

Польская печать по установившейся традиціи продолжаетъ проявлять къ православнымъ храмамъ отношеніе, которое порой можно назвать почти анекдотическимъ. Еще не давно мы приводили требованіе радикальной газеты „Глос Правды" разобрать митрополичью церковь въ Варшавѣ изъ-за ея большихъ и замѣтныхъ куполовъ. Къ тѣмъ же куполамъ возвращается правая газета „Газета Поранна"; этотъ органъ печати болѣе милостивъ и допускаетъ сохраненіе церкви при условіи снесенія ея куполовъ во имя историческихъ и эстетическихъ соображеній.

Подобные анекдотическіе проэкты поддерживаются фантастическими информаціями о судьбѣ православныхъ храмовъ въ другихъ государствахъ. Такъ, напримѣръ, рядъ газетъ помѣстилъ снимокъ строящагося въ Берлинѣ Русскаго Дома, какъ извѣстно увѣнчаннаго въ верхнихъ этажахъ прекраснымъ храмомъ. Зданіе изображено окруженное лѣсами, и поэтому нѣкоторыя газеты снабдили его подписью, что это, дескать, „Русская Церковь въ Берлинѣ разбираемая за ненадобностью", а другія написали, что „Русская церковь въ Берлинѣ передѣлывается на жилой домъ".

Пока же на практикѣ съ православными храмами продолжаютъ поступать, какъ заблагоразсудится тому или другому представителю власти. Въ гор. Сераздѣ на православномъ храмѣ красуется надпись „кинематографъ"; въ Сувалкахъ, не взирая на нѣсколько сотъ православныхъ въ этомъ городѣ и столько же православныхъ солдатъ гарнизона, несмотря на горячіе протесты духовныхъ властей, православная церковь разобрана съ разрѣшенія Министерства Общественныхъ Работъ и Комитета по меньшинственнымъ дѣламъ при Президіумѣ Совѣта Министровъ; какъ сообщаетъ „Газета Варшавска" (№ 191), недавно рѣшена судьба церкви въ Скерневицахъ въ смыслѣ ея разборки, къ которой уже приступлено: „матерьялы отъ разборки предназначены въ половинѣ на постройку мѣстной больницы Св. Станислава и на постройку новаго дома для католическаго духовенства".

Какъ видимъ, отношеніе самое безцеремонное и ужъ никакъ не подобающее храму Господню. Понимая это, нѣкоторые органы печати стараются оправдать подобный взглядъ такими примѣрно мотивами:

Газета „Слово Радомске" въ № отъ 10 Іюля помѣщаетъ замѣтку, озаглавленную „Бывшая Церковь", въ которой выражаетъ радость по поводу снятія крестовъ со зданія Кѣлецкаго Соборнаго православнаго храма. Одновременно газета высказываетъ сожалѣніе о томъ, что храмъ до сихъ поръ не разобранъ и пишетъ:

Нѣсколько разъ въ году она по мѣсяцамъ гостила у дяди въ городѣ М., гдѣ встрѣчалась и съ Алешей, уже семинаристомъ. Дядя ея, протоіерей о. Василій полюбилъ своего протеже и часто зазывалъ его на чашку чая.

Оставшись одинокой безъ матери, Милитина охотно повѣряла всѣ свои думы, переживанія простому, отзывчивому Алешѣ, какъ брату и другу.

Часто они, сидя въ дядиной гостинной, среди зелени пышныхъ вазоновъ, при свѣтѣ голубой лампадки, наговорившись досыта, неожиданно замолкали и летѣли туда, куда ихъ несли, еще не тронутыя ядомъ сомнѣній, крылатыя грезы, и казалось имъ, что все кругомъ радуется, цвѣтетъ и хвалитъ Бога, потому что они любили: Милитина любила первой, робкой любовью „того" далекаго, блестящаго военнаго и ждала „его" пріѣзда къ лѣту, (въ домъ сосѣдняго съ ея отцомъ помѣщика), а Алеша съ первой встрѣчи любилъ Милитину, любилъ такъ, какъ цвѣты любятъ солнце, а безъ него умираютъ и мечталъ, по окончаніи семинаріи, жениться на нѣй.

— Помните, Милитина Сергѣевна, какъ вы тогда, какъ ангелъ утѣшитель, появились на горизонтѣ моей еще туманной жизни? Я этого никогда не забуду!... Я думаю, что само Провидѣніе послало васъ тогда къ намъ, чтобы спасти меня отъ отчаянія... И съ тѣхъ поръ я называю васъ „моя судьба", которая очертила вокругъ меня какой то заколдованный кругъ, изъ котораго я уже не выйду никогда, потому что... пропаду ни за грошъ.

— Боже мой!.. онъ кажется любитъ меня?.. на что то надѣется и не знаетъ, что я люблю другого... „Нѣтъ, нѣтъ, Алеша, голубчикъ, ты слишкомъ мнѣ дорогъ, какъ братъ, какъ другъ, чтобы заставить тебя страдать". Хорошо, что я уѣзжаю завтра, съ непонятной тоской утѣшала себя Милитина и насильно улыбнулась.

— Зачѣмъ же такъ фантазировать, Алексѣй Ивановичъ; это предъ экзаменами даже вредно. Когда они у васъ оканчиваются?

— На дняхъ начнется страда наша ученическая, хоть бы скорѣе пережить ее!

— Да?.. въ такомъ случаѣ, такъ какъ я завтра уѣзжаю, позвольте пожелать вамъ, Алексѣй Ивановичъ, блистательно выдержать экзамены, блистательно жениться и блистательно подвизаться на поприщѣ дѣятельности пастыря.

— Милитина Сергѣевна, я вѣрю, что ваши прекрасныя пожеланія непремѣнно сбудутся: потому что вы—моя судьба. Но судьба и обманываетъ часто—пошутила дѣвушка.

— А судьбу—и конемъ не объѣдешь; она любитъ подносить сюрпризы, — пожимая тонкую руку дѣвушки, не уступалъ Алеша, не предчувствуя, что такіе сюрпризы она готовитъ и ему.

Беззвучная, блѣдная городская весна прошла для Алеши незамѣченой и когда экзамены прошли, онъ тогда только увидѣлъ на протоіерейскомъ дворѣ, что акація была уже вся въ бѣлорозовыхъ, душистыхъ кистяхъ: ему стало весе-

„Говорятъ, что декретъ о разборкѣ этой церкви, какъ построенной на землѣ не законно отнятой у кѣлецкихъ епископовъ и какъ воздвигнутой не столько ради потребности, сколько для манифестаціи, поданъ для подписи кому надлежитъ, но якобы интервенція Діонисія, Предсѣдателя Синода, привела къ тому, что церковь до сихъ поръ еще символизируетъ имперіализмъ Россіи“.

Правда, какъ хорошо? Церковь становится „бывшей“, потому что такъ угодно какой то газеткѣ. И какое вѣжливое отношеніе къ Главѣ Православной Церкви, имя котораго приводится даже безъ всякаго титула!

Не менѣе поучительна исторія разборки Калишскаго Собора, которая предварилась длительными переговорами государственныхъ и городскихъ властей съ Консисторіей и производится въ данное время безъ выполненія условій, поставленныхъ Епархіальной Властью.

У высшей центральной правительственной власти мы тоже встрѣчаемся съ самымъ разнообразнымъ отношеніемъ къ православнымъ храмамъ. Здѣсь господствуетъ полный оппортунизмъ. Одной рукой отпускаются мелкія пособія на постройку коегдѣ церквей, а другой подписываются распоряженія о передачѣ этихъ храмовъ подъ пекарни или кинематографы, а также „во временное пользованіе“ Римско-Католической Церкви.

Иногда въ переговорахъ съ властями удается перевести вопросъ на юридическую почву и поставить его въ той плоскости, что, помимо всякихъ сомнительныхъ и обоюдоострыхъ политическихъ мотивовъ и утилитарныхъ соображеній „потребности“, существуетъ же законъ, охраняющій право собственности даже самаго бѣднаго нищаго или сомнительнаго владѣльца спорнаго имущества. Въ такихъ случаяхъ мы слышимъ софизмы на тему о „неустановленности права собственности“ и лицемѣрныя сомнѣнія въ томъ, является ли Православная Церковь „субъектомъ права собственности“ въ отношеніи своихъ храмовъ.

Однако, и оффиціальныя учрежденія чувствуютъ себя въ этомъ вопросѣ слишкомъ зыбко на искусственной почвѣ псевдо-юридической софистики и предпочитаютъ приводить въ свое оправданіе мотивы другого рода. Такъ, напримѣръ, въ оффиціальномъ отвѣтѣ Блаженнѣйшему Митрополиту Діонисію, захватъ и передѣлка въ костелъ православнаго храма на станціи Подбродзѣ въ Виленщинѣ оправдывается тѣмъ, что этотъ храмъ нуженъ католическому населенію и что военнослужащіе пожертвовали средства на его передѣлку. Чудовищность этихъ мотивовъ станетъ ясной, если мы предположимъ, что, скажемъ, въ какомъ либо мѣстѣ евреи силой займутъ и передѣлаютъ для своихъ нуждъ католическій храмъ. Съ точки зрѣнія авторовъ того оффиціальнаго отвѣта, о которомъ мы говоримъ, подобный захватъ, слѣдовало-бы узаконить и признать правильнымъ.

Подводя итогъ всему выше сказанному, мы можемъ заключить, что въ отношеніи къ православнымъ храмамъ съ непонятнымъ и преступнымъ легкомысліемъ дѣлается злое и опасное дѣло. Газеты почти ежедневно приносятъ намъ свѣдѣнія такого рода: „Президіумъ Цика Совѣтской Украины постановилъ закрыть 25 церквей и монастырей, также 10 синагогъ, которыя будутъ предназначены на помѣщенія для разныхъ коммунистическихъ организацій“. Имѣется ли какая либо существенная разница между указанной совѣтской практикой и вышеприведенными теоретическими воззрѣніями значительной части польской прессы, также точно не разъ воплотившимися на дѣлѣ? Чему учитъ она общество?

Стоитъ задуматься надъ тѣмъ, чѣмъ угрожаетъ обществу и государству подобная опасная и легкомысленная игра святынями?

Vox.

ло, хорошо отъ сознанія, что онъ можетъ жить своей личной жизнью, личнымъ счастьемъ и горячая благодарность шевельнулась въ душѣ его, когда онъ увидѣлъ предъ собой виновника своего благополучія от. Василія.

— Вижу по вашему просвѣтленному лицу, Алексѣй Ивановичъ, что васъ можно поздравить съ блистательнымъ окончаніемъ трудовъ праведныхъ. Дай Богъ вамъ и въ жизни успѣвать во всемъ такъ. А жизнь для васъ, какъ іерея Божія, будетъ новая и можетъ быть трудная и такъ какъ „не добро человѣку быти единому“, то вамъ только остается выбрать себѣ подругу по сердцу и—честнымъ пиркомъ, да и за свадебку.

Радость таинственнаго счастья охватила Алешу, когда онъ мысленно рядомъ съ собою, на всю жизнь поставилъ Милитину, какъ подругу жизни и съ любовью цѣлуя благословляющую руку о. Василія, проговорилъ:

— Я только съ вашей помощью о. протоіерей достигъ того, чего такъ желалъ еще съ дѣтства.

— Ну, это вы преувеличиваете, Алеша, я для васъ сдѣлалъ то, что долженъ дѣлать каждый христіанинъ. Да по правдѣ сказать, это же все Милитина Сергѣевна сдѣлала, ея доброе сердце; ее и благодарите... Да, вотъ кстати, я и забылъ похвалиться вамъ, что она выходитъ замужъ; только мнѣ что то не нравится ея выборъ. Вѣтрогонъ какой-то.

— Милитина Сергѣевна выходитъ замужъ? —Только и могъ проговорить Алеша, потому что эти четыре слова ледяными кольцами до муки сжали его сердце и мѣшали дышать и онъ, какъ автоматъ, вышелъ на улицу.

Алеша шелъ быстро, боясь, чтобы никто не затронулъ его горя пустымъ вопросомъ или неискреннимъ участіемъ. Долго онъ ходилъ, механически, до мелочей разсматривая все то, что виднѣлось впереди. А въ это время его горе дѣлалось легче и само собой укладывалось въ заповѣдномъ уголкѣ его чуткаго сердца...

Скоро Алеша уѣхалъ домой; а въ концѣ лѣта добрые люди его женили на дочери мѣщанина Людмилѣ Петровнѣ съ богатымъ приданымъ, и... съ нищенскимъ внутреннимъ содержаніемъ. Но ему было все равно; плѣнительная мечта, въ лицѣ Милитины, слишкомъ рѣзко и нежданно оборвалась...

Скорѣй бы облачиться въ рясу; забраться въ село,—мечталъ Алеша, уѣзжая въ городъ М. для рукоположенія въ іереи. Тамъ онъ явился прежде всего къ своему благодѣтелю о. Василію.

— Ну, что, готова ряса? знаете какъ слѣдуетъ ее носить?- привѣтливо встрѣтилъ о. Василій Алешу.—А то вѣдь эти молодые іереи, облекаясь въ рясу, совершенно забываютъ объ исключительности этой одежды и продолжаютъ и въ ней быть свѣтскими; ноги ихъ раскидываются както по военному, а полы рясы, не застегнутыя на пуговицы, игриво разлетаются, одна—на сѣверъ, другая на югъ; какъ будто на немъ не ряса, а разлетайка итальянская... не хватаетъ только гитары подъ рукой. Нужно всетаки помнить, куда

Церковная жизнь

Въ послѣднее время въ совѣтской печати появились отрывочныя свѣдѣнія, не дающія полной картины церковной жизни въ совѣтской Россіи, но позволяющія судить о нѣкоторыхъ сторонахъ этой жизни на основаніи случайныхъ данныхъ. Такъ, въ петроградской „Красной Газетѣ“ была недавно напечатана корреспонденція изъ Кіева, въ которой имѣются данныя о количествѣ христіанскихъ приходовъ въ Кіевѣ и Кіевскомъ округѣ. Оказывается, что староцерковники (тихоновцы) имѣютъ 332 прихода, украинскіе автокефалисты—155, обновленцы—42, католики—8, уніаты—1, лютеране—1. Очень интересны содержащіяся въ той же корреспонденціи свѣдѣнія о возрастномъ составѣ членовъ приходскихъ организацій. По этому поводу „Красная Газета“ говоритъ: „Эти кадры въ основномъ состоятъ изъ стариковъ свыше 55 лѣтъ и молодежи отъ 18 до 21 года“. Если остановиться мыслью на этомъ указаніи, то станетъ очевиднымъ, что наряду съ крѣпостью вѣры въ средѣ стараго поколѣнія, наблюдается возрожденіе вѣры среди той молодежи, которая выросла уже при революціи. О неуспѣхѣ анти религіозной пропаганды свидѣтельствуютъ данныя изъ той же корреспонденціи о томъ, что за 1927 годъ въ Кіевскомъ округѣ изданы всего три антирелигіозныхъ книги, а религіозная литература вышла въ числѣ 35 книгъ съ тиражемъ въ въ 186.000 экземпляровъ, а также въ количествѣ 11-ти религіозныхъ журналовъ.

Та же газета въ корреспонденціи изъ Лужскаго округа говоритъ: „Забота о церквахъ отнимаетъ у крестьянъ много средствъ; въ Пенинской церкви крестьяне содержатъ двоихъ священниковъ, діакона, псаломщика и сторожа, а рядомъ есть другая церковь, при которой живутъ одинъ священникъ, діаконъ, псаломщикъ и сторожъ. Рельская церковь сейчасъ капитально ремонтируется, а Пенинская украшается. Крестьяне и дѣтей своихъ держатъ крѣпко на поводу: посылаютъ въ церковь, заставляютъ молиться дома, а сопротивляющихся бьютъ и не даютъ имъ ѣсть“.

Этихъ выдержекъ изъ совѣтской печати достаточно для того, чтобы увидѣть, съ какимъ трудомъ приходится большевикамъ бороться съ крѣпкой вѣрой народной и бытовымъ исповѣдничествомъ этой вѣры, но, къ сожалѣнію, совѣтская печать совершенно умалчиваетъ о важныхъ событіяхъ церковной жизни въ совѣтской Россіи, въ частности о томъ, что произошло послѣ обнародованія посланія Митрополитовъ Іосифа и Агафангела и осужденія ими политики Митрополита Сергія. Между тѣмъ, въ жизни русской Православной Церкви внѣ предѣловъ СССР произошло важное событіе—опредѣленіе Архіерейскаго Синода этой Церкви объ указѣ Митрополита Сергія и о посланіи Митрополита Евлогія. Въ опредѣленіи этомъ говорится, что Архіерейскій Синодъ слушалъ названные указъ и посланіе, ознакомился со всѣми относящимися къ нимъ документами и, обсудивъ указъ Митрополита Сергія въ связи съ бывшими по сему предмету опредѣленіями Собора Архіереевъ и Архіерейскаго Синода Русской Православной Церкви, постановилъ:

I. Подтвердить незыблемость опредѣленія Архіерейскаго Собора 1927 года о вынужденномъ временномъ административномъ отдѣленіи отъ Московской церковной власти, объ отношеніи къ Митрополиту Сергію и его церковной политикѣ.

II. Стоя неуклонно на точкѣ зрѣнія означеннаго постановленія Архіерейскаго Собора, Архіерейскій Синодъ, въ согласіи съ бывшими рѣшеніями Архіерейскаго Собора и мнѣніями Преосвященныхъ Заграничной Церкви, считаетъ исходящія отъ теперешней Московской церковной власти, при создавшихся тамъ условіяхъ, распоряженія церковно административнаго характера не имѣющими обязательной силы для За-

---

идешь; все раньше обдумать, стоя у пастырской борозды и не быть такимъ скороспѣлымъ, что часто бываетъ внутри недозрѣлымъ.

— Думалъ и я, о. протоіерей, много о томъ, куда иду и страшно становится за свою убогость духовную, предъ необъятностью подвига пастырскаго, — вздохнулъ Алеша.

— Да, да, подвигъ пастыря великъ. Не даромъ апостолъ обратился къ пастырямъ съ такимъ великимъ завѣщаніемъ: „Проповѣдуй... и учи... будь образцомъ для вѣрныхъ въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ“ (1 Тим. 4, 12; 2 Тим. 1, 2). Но падать духомъ все же не слѣдуетъ. „Не бойся... ибо Я съ тобою“, —изрекъ пророку Іереміи Господь. Вотъ помните объ этомъ всегда, Алеша, и для васъ тогда ничего не будетъ ни страшнаго, ни тяжелаго, —убѣжденно говорилъ о. Василій,—Я въ такомъ духѣ писалъ и племянницѣ Милитинѣ; она теперь въ такомъ горѣ.

—Представьте себѣ какое несчастье: наканунѣ свадьбы арестовали ея жениха, за какіе то подложные не то документы, не то векселя, что то въ томъ родѣ. Отецъ ея старикъ больной не перенесъ этого позора, умеръ скоропостижно; и теперь она бѣдняжка осталась одна совершенно, съ такой довѣрчивой, прекрасной душой.

Во все время грустнаго разсказа о. Василія, какъ громомъ пораженный Алеша, склонивъ голову, явственно слышалъ хохотъ судьбы такъ зло издѣвавшейся надъ нимъ.

Только нѣсколько можетъ быть дней нужно было подождать, не жениться, и Милитина Сергѣевна могла бы быть моей женой; она разочарованная, въ горѣ вспомнила бы обо мнѣ своемъ другѣ; а дружба—это прелюдія къ любви,— мучительно думалъ Алеша, и когда о. Василій положилъ предъ нимъ маленькое письмо отъ нея, (по адресу дяди) онъ медленно разорвалъ конвертъ; но въ немъ написано было такъ мало:

— Другъ мой, Алексѣй Ивановичъ,—писала Милитина,—все, что вы хотѣли бы хотѣли знать обо мнѣ, то о томъ разскажетъ вамъ дядя, а отъ себя скажу, что къ стыду своему я, какъ мотылекъ беззаботный, налетѣла на яркій огонекъ и опалила крылышки своихъ грезъ и мечтаній. Тяжело мнѣ теперь. Холодное одиночество подкрадывается ко мнѣ. Дядя пишетъ, что жизнь наша— во Христѣ, что чистой радости безъ Христа нѣтъ и я, помня это, стараюсь не падать духомъ; ликвидирую свое маленькое хозяйство и хлопочу о мѣстѣ учительницы; а пока что поживу у дяди, но не на долго, потому что я строго придерживаюсь того правила, что лучше — корочка, да своимъ трудомъ добытая, чѣмъ жирный пирогъ, да чужой. Не забывайте меня, другъ мой... Вы теперь уже скоро будете іерей, молитесь о своемъ другѣ Милитинѣ Жемчуженко...

Усталой походкой вышелъ Алеша изъ дома о. Василія, а на другой день горячо молился въ соборѣ, когда возлагались на его голову архіерейскія руки и съ любовью готовъ былъ поднять на свои слабыя рамена иго пастырскаго подвига,

граничной Церкви и ея Іерархіи и тѣмъ болѣе исходящія отъ Митрополита Сергія, каноническое положеніе котораго не признается въ Самой Матери Церкви.

III. Призвать заграничную русскую паству къ сохраненію церковнаго мира, и чтобы спокойно продолжая свое спасеніе подъ водительствомъ Архіерейскаго Собора и Синода, еще тѣснѣе сплотиться вокругъ своихъ Архипастырей и пастырей, находящихся въ юрисдикціи Заграничнаго Архіерейскаго Собора и Синода, разъяснивъ ей, что въ лицѣ Митрополита Сергія совѣтская власть ведетъ борьбу противъ Православной Заграничной Церкви, желая разрушеніемъ церковныхъ органовъ ея, дезорганизовать Зарубежную Церковь подобно тому, какъ это имъ удалось въ совѣтской Россіи, и тѣмъ лишить эмиграцію духовнаго руководительства и, если не уничтожить совершенно, то ослабить оплотъ антикоммунизма.

IV. Вновь обратиться къ Архипастырямъ, пастырямъ и мірянамъ, отколовшимся отъ Зарубежной части Русской Православной Церкви, безусловно находящейся въ духовномъ единеніи со страждущей своей Матерью Церковью (но не съ самозваннымъ Синодомъ Митрополита Сергія) въ Россіи, указавъ имъ на опасность не только для Русской Церкви, но и всего Православія проводимой Митрополитомъ Сергіемъ церковной тактики, диктуемой и поддерживаемой совѣтской властью.

V. Объяснить паствѣ, что никакія мѣры прещенія и кары, могущія послѣдовать отъ Митрополита Сергія и такъ-называемаго его Синода, образованнаго не каноническимъ путемъ, а имъ самимъ избраннаго по указанію большевиковъ, и въ Россіи не признаннаго, не могутъ имѣть канонической силы и значенія судебнаго акта, во-первыхъ, какъ исходящія отъ Іерарховъ и учрежденія, каноническое положеніе которыхъ подвергается основательному сомнѣнію въ самой Россіи, во-вторыхъ, какъ послѣдовавшія на основаніи одностороннихъ неправдивыхъ донесеній Митрополита Евлогія, безъ выслушиванія другой стороны, и, въ третьихъ, какъ обращаемыя къ церковной власти, ранѣе объявившей себя на основаніи актовъ Всероссійской церковной власти временно самодовлѣющей частью Русской Православной Церкви.

VI. Предостеречь православную русскую паству отъ молитвеннаго общенія съ Митрополитомъ Евлогіемъ и его послѣдователями, разъяснивъ, что Митрополитъ Сергій и его такъ называемый Синодъ по священнымъ канонамъ не могли освободить ихъ отъ наложеннаго на нихъ прещенія, такъ какъ таковое можетъ быть снято только той же церковной властью, которая наложила его, или же оно можетъ быть снято лишь по сужденію Соборомъ Іерарховъ всей Россійской Православной Церкви.

VII. Оставить указъ Митрополита Сергія и обращеніе Митрополита Евлогія безъ личныхъ имъ отвѣтовъ.

VIII. Съ глубокой скорбью отмѣчаетъ Архіерейскій Синодъ неправду Митрополита Евлогія, утверждающаго, что онъ не давалъ требуемаго Митрополитомъ Сергіемъ обязательства о лойяльности (что значитъ въ создавшихся условіяхъ и признаніе) совѣтской власти. Между тѣмъ, Митрополитъ Сергій ясно и опредѣленно отмѣчаетъ и въ своемъ указѣ и во второмъ посланіи своемъ ко всей Россійской паствѣ, что Митрополитъ Евлогій, Архіепископъ Владиміръ и Епископы Сергій и Веніаминъ дали требуемое отъ нихъ обязательство и потому оставлены въ административно-каноническомъ вѣдѣніи Московской Патріархіи. Да и отъ другихъ Іерарховъ Заграничной Церкви Митрополитъ Сергій требуетъ именно опредѣленнаго обязательства, а не расплывчатой аполитичности Митрополита Евлогія, который неоднократно уличался въ двойственной политикѣ.

IX. Еще съ болѣе великой грустью и печалью отмѣчаетъ Архіерейскій Синодъ брошенное Митрополитомъ Сергіемъ своимъ собратьямъ іерархамъ муче-

---

когда епископъ, подавая ему свои совѣты и наставленія, отечески сказалъ:

— Да будетъ для тебя это иго благимъ и бремя его легкимъ...

Поздней осенью Алеша, а теперь уже о. Алексѣй, прибылъ со своей женой къ мѣсту своего назначенія, въ маленькое мѣстечко Д—къ и прежде всего приглядѣлся къ своимъ прихожанамъ, къ ихъ быту, стараясь пріобрѣсть ихъ довѣріе, чтобы они сами сознали, что священникъ, не какъ врагъ, а какъ пастырь—другъ призванъ водворять миръ во всякое время, во всякомъ дѣлѣ, и въ душѣ каждаго и самое неоцѣненное благо мира, — это миръ съ Богомъ и Его Церковью.

Вотъ на этомъ фундаментѣ о. Алексѣй построилъ всю свою пастырскую дѣятельность.

Работы на первыхъ порахъ было много у него: и въ церкви нашлись непорядки и по книгамъ онъ былъ еще не знатокъ, и дѣти крестьянъ не умѣютъ правильно креститься; да и взрослыхъ нужно пріохотить къ церкви, бесѣдѣ религіозной... однимъ словомъ за разнообразными занятіями о. Алексѣй не замѣчалъ времени; но были моменты, когда ему хотѣлось пожить для себя, хотѣлось подѣлиться тѣмъ, что укладывалось и тѣснилось въ душѣ, вырываясь наружу, подѣлиться съ близкимъ сердцу.

Но кто жъ ближе и роднѣе сердцу батюшки, какъ не матушка его?!—рѣшилъ о. Алексѣй и какъ то разъ, бесѣдуя со своей матушкой о хозяйствѣ, между прочимъ, весело сказалъ:

— Вотъ теперь, Люда, матушка моя, когда у насъ почти все необходимое есть, я на первые полученные деньги непремѣнно выпишу себѣ хорошихъ книгъ, нужныхъ мнѣ какъ пособіе пастырю въ его дѣлѣ и для большаго развитія себя. Семинарія мало даетъ; необходимо при этомъ и самообразованіе, чтеніе хорошихъ книгъ. А для тебя, Люда я выпишу, знаешь какія книги? классиковъ выпишу, душа моя! эти книги, хотя уже читаны и перечитаны всѣми мало-мальски развитыми въ литературномъ отношеніи, людьми, но онѣ для насъ вѣчно будутъ новыя, интересныя.

— Что это за книги?—наивно спросила матушка.

— Что ты, Люда шутишъ? Я не понимаю твоего вопроса.

— Ну, какъ хочешь, Алеша, но если эти твои „классики" безъ картинокъ, то не трудись пожалуйста выписывать ихъ для меня. Я люблю читать книжки только съ картинами; такія напримѣръ, какъ папа мой покупалъ на рынкѣ для меня, съ такими красивыми картинками! Читаешь бывало всю ночь!

О. Алексѣй нахмурилъ брови и опустилъ глаза замолчалъ.

Не бесѣдовать же съ ней о бульварной литературѣ, подъ вліяніемъ которой она пріобрѣла богатство своей души и знаніе,—грустно думалъ

никамъ совершенно неосновательное обвиненіе въ осуществленіи ими какой-то программы Заграничнаго Синода. Митрополитъ Сергій наложилъ на нихъ тяжелое клеймо передъ совѣтской властью, желая, можетъ быть, кровавымъ терроромъ освободиться отъ представителей Церкви, его осудившихъ.

X. Настоящее опредѣленіе разослать всѣмъ Преосвященнымъ Православной Русской Зарубежной Церкви и объявить въ печати во всеобщее свѣдѣніе.

Высокочтимый предсѣдатель Синода, Высокопреосвященный Митрополитъ Антоній сопроводилъ это опредѣленіе Синода посланіемъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано:

По послѣднему указу Митрополита Сергія совершенно ясно, что послѣдній не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о центрально-восточной европейской и западноевропейской церковной жизни, кромѣ извращенныхъ доносовъ отъ Митрополита Евлогія, при невозможности сноситься съ Московой Заграничному Синоду, котораго доклады въ Москву не были допускаемы тамошней большевицкой администраціей.

Если къ этому присовокупить вполнѣ опредѣленное заявленіе нашего Архіерейскаго Собора о томъ, что Синодъ Московскій лишилъ себя самъ всякаго законнаго авторитета, войдя въ согласіе съ безбожниками и перенося безъ борьбы закрытіе и разрушеніе святыхъ храмовъ и безчисленныя преступленія совѣтскаго правительства, открыто отрицающаго всякую религію и ведущаго послѣдовательное противъ нея гоненіе: то должно признать, что незаконно составленное и вошедшее въ единеніе съ врагами Божіими учрежденіе, которое Митрополитъ Сергій называетъ православнымъ Синодомъ, и отъ признанія котораго отказались лучшіе русскіе архіереи, духовенство и міряне, вовсе не должно быть признаваемо нашими Православными Церквами, ни нашимъ Архіерейскимъ Синодомъ съ его заграничною паствою, а учредители Московскаго Синода должны бы быть признаваемы такими же отступниками отъ вѣры, какъ древніе либеллисты, т. е. христіане, хотя и отказавшіеся похулить Христа и принести жертву идоламъ, но принявшіе отъ идольскихъ жрецовъ ложное удостовѣреніе, будто они находятся въ полномъ согласіи съ послѣдователями языческой религіи.

Избави Богъ всѣхъ васъ, православные христіане, уподобиться древнимъ либеллатикамъ, на которыхъ Св. Церковь взирала, какъ на прямыхъ отступниковъ отъ Христовой вѣры.

Будемъ же твердо держаться нашей Святой Церкви Православной и не входить въ молитвенное общеніе съ тѣми, кто такъ мало утвердился въ ней, что изъявляетъ вѣрноподданическія чувства ея врагамъ, а будемъ молиться Богу и Его святымъ, чтобы благодать Господня просвѣтила ихъ разумъ и ихъ совѣсть и всѣхъ насъ вмѣстѣ съ ними вдохновила на безстрашное исповѣданіе нашей православной христіанской вѣры и Церкви, а души самихъ невѣрующихъ отступниковъ и гонителей Христовыхъ смягчила бы покаяніемъ и согрѣла бы вѣрою, дабы снова возсіяла благодать Св. Церкви въ нашей странѣ, издавна просвѣщавшей язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ, дабы русскій народъ, очистившись покаяніемъ и вѣрой, могъ воскликнуть съ древними пророками: „Научу беззаконные путемъ Твоимъ и нечестивіи къ Тебѣ обратятся".

онъ и взялся за перо, чтобы приготовить проповѣдь къ празднику.

— Ты, Алеша, собыраешься писать?—спросила матушка—такъ подпишись хотя разъ на моемъ письмѣ и ты, а то папа подумаетъ, что мы поссорились,

Взглянувъ на письмо, о. Алексѣй улыбаясь отодвинулъ его въ сторону.

— Я не могу на этомъ безграмотномъ письмѣ выставлять свою фамилію, которую ты пишешь съ маленькой буквы. Плохо же тебя учили, Люда.

— Вотъ еще выдумалъ! Я окончила два класса въ пансіонѣ; меня даже хвалили, что я такъ красиво писала и лучше всѣхъ танцевала!—обидѣлась матушка и стукнувъ дверью скрылась за ней.

О. Алексѣй перестал дѣлиться съ матушкой своей думами своими. Что то недоговоренное, непонятное раздѣляло ихъ и ставило далеко другъ отъ друга, хотя и скованныхъ, какъ узниковъ, супружескимъ долгомъ и семейными отношеніями.

Но матушка Людмила Петровна, воспитанная, какъ говорится, „только поверхамъ", не понимала этого умственнаго разлада между нею и о. Алексѣемъ и довольная собой, вся уходила въ каждодневную суету,—часто безтолковую, надоѣдливую спорами, крикомъ и руганью.

— Съ кѣмъ ты, Люда, спорила въ кухнѣ? Что-нибудь случилось? — тревожно спросилъ о. Алексѣй.

— Да какъ же не спорить Алеша? Принесли крестить ребенка и какъ нищему, принесли только кусокъ хлѣба; а я сказала куму, что батюшка крестить не будетъ, пока онъ не принесетъ кусокъ полотна или сала.

— Сколько разъ я тебя просилъ, Людмила, не вмѣшиваться въ эти дѣла!—строго проговорилъ батюшка.—Пойми же наконецъ, что это кулацкое торгашество въ домѣ священника ставитъ меня въ фальшивое положеніе; вооружаетъ противъ меня прихожанъ... Я не хочу насилія! Я стараюсь повліять на прихожанъ, чтобы они сами сознали, что каждый трудъ слѣдуетъ оплачивать. А ты мнѣ мѣшаешь, въ хорошемъ дѣлѣ и себя, какъ матушку, унижаешь.

А матушка очень скоро забывала выговоры батюшки и продолжала самоуправно командовать приходскими дѣлами, преслѣдуя упреками батюшку; но онъ не сдавался и жизнь его съ каждымъ днемъ становилась безтолковѣй и тяжелѣй, и все чаще о. Алексѣй одинъ запирался въ своемъ кабинетикѣ; одинъ—со своими нераздѣленными думами...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЦЕРКОВНОЕ ТОРЖЕСТВО ВЪ С. ЛАВРИШЕВѢ, НОВОГРУДСКАГО УѢЗДА, ГРОДНЕНСКОЙ ЕПАРХІИ.

22 іюня с. г. въ с. Лавришевѣ состоялось торжество освященія и водруженія креста памятника на мѣстѣ б. древняго Лавришевскаго монастыря.

Несмотря на крайне неблагопріятную, дождливую и холодную погоду, въ торжествѣ приняли участіе не только благочестивые лавришевскіе прихожане, но и жители сосѣднихъ приходовъ: Негнѣвичскаго, Щорсовскаго и Загорье-Сѣнненскаго.

Въ 8 ч. утра изъ м. Негнѣвичи, во главѣ съ о. Новогрудскимъ Благочиннымъ, прот. В. Бобковскимъ, и настоятелемъ Негнѣвичской церкви прот. І. Сомковичемъ, послѣ краткаго молебна, выступилъ довольно многолюдный крестный ходъ, пополнявшійся по мѣрѣ продвиженія все новыми и новыми богомольцами изъ окрестныхъ деревенъ. Ни грязная отъ безконечныхъ дождей дорога, ни самые способы передвиженія, къ которымъ иногда приходилось прибѣгать (напр., переходъ черезъ рѣку по зыбкимъ „кладкамъ"), —не могли остановить благочестиваго рвенія многочисленныхъ богомольцевъ, и, по мѣрѣ приближенія къ Лавришеву, крестный ходъ выросталъ въ грандіозную процессію. Одушевленное пѣніе ирмосовъ и различныхъ пѣснопѣній изъ Богогласника, въ исполненіи котораго принимали участіе всѣ богомольцы, производило самое отрадное впечатлѣніе, свидѣтельствуя, что населеніе нашей Новогрудщины проникнуто духомъ церковности, твердо въ отеческомъ православіи и благочестіи предковъ.

Въ 10 ч. утра крестный ходъ подошелъ къ Лавришевскому храму, гдѣ къ этому времени закончилось всенощное бдѣніе. Послѣ всенощной, въ 11 часовъ, началась Божественная литургія при участіи приходскаго настоятеля о. М. Скромнова и прибывшаго духовенства. За литургіей вмѣсто причастна, было произнесено поученіе протоіереемъ Іуліаномъ Сомковичемъ. Коснувшись историческихъ судебъ Лавришевскаго прихода и отмѣтивъ силу вѣры и благочестія его жителей, ихъ добрые нравы и исконныя строго православныя религіозныя традиціи—о которыхъ въ прежнее время далеко разносилась добрая слава—проповѣдникъ призывалъ слушателей къ охраненію и поддержанію на должной высотѣ этихъ вѣковѣчныхъ устоевъ нашихъ благочестивыхъ предковъ, такъ какъ устои эти служатъ основаніемъ и временнаго земного благополучія, а наипаче—вѣчнаго блаженства.

Послѣ литургіи соединенный крестный ходъ направился къ мѣсту освященія памятника въ урочище „Низьвище". Названное урочище гдѣ существовалъ древнѣйшій Лавришевскій монастырь, расположено въ $2^1/_2$ верстахъ отъ с. Лавришева на правомъ берегу рѣки Нѣмана и представляетъ собой возвышенность, пространствомъ около 3-хъ десятинъ, обнесенную валомъ. Почти правильная овальная форма, какъ самой возвышенности, такъ и окружающаго ее вала, равно самый характеръ устройства вала, не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что валъ этотъ искусственнаго происхожденія. Правильность подобнаго предположенія подтверждается также и тѣмъ обстоятельствомъ, что вся мѣстность возлѣ Низьвища представляетъ собою однообразную принѣманскую болотистую равнину. До войны искусственный характеръ сооруженія вала проступалъ ярче и рельефнѣе; теперь же, вслѣдствіе того, что Низьвище находилось въ боевой линіи нѣмецкихъ окоповъ, видъ мѣстности, изрытой траншеями и ходами сообщеній и изурудованной блиндажами, сильно измѣнился.

Неподалеку, за валомъ, находится небольшая котловина, представляющая, какъ можно думать, остатки былого озера.

До войны вся возвышенность была покрыта прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ и, по свидѣтельству очевидцевъ, представляла чудный видъ. Очевидно, что наши древніе подвижники, столь близкіе по чистотѣ своей жизни къ Богу, были особенно чутки къ красотамъ природы.

По прибытіи крестнаго хода въ Низьвище, сонмомъ духовенства во главѣ съ о. прот. В. Бобковскимъ, былъ совершенъ чинъ освященія новосооруженнаго креста. Св. крестъ водруженъ на мѣстѣ св. престола, возобновленнаго въ 1913 году Лавришевскаго монастыря. Крестъ и ограда при немъ сооружены усердіемъ лавришевскихъ прихожанъ, благодаря стараніямъ о. настоятеля Михаила Скромнова. Послѣдній, проявля много заботъ и трудовъ по благоустройству Лавришевскаго прихода и украшенію приходскаго храма, позаботился и о постановкѣ памятника на священномъ мѣстѣ, гдѣ съ древнѣйшихъ временъ возносились къ Богу молитвы подвижниковъ и насельниковъ Лавришевскаго монастыря. Между прочимъ, пишущему эти строки извѣстно, что заботливый о. настоятель дѣятельно хлопочетъ о постройкѣ въ „Низьвищѣ" часовни, пробуждая ревность прихожанъ мыслью о томъ, что судьбамъ Лавришева и его древнѣйшаго монастыря удѣляетъ сугубое вниманіе нашъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка, изъявившій желаніе побывать на Низьвищѣ и помолиться на мѣстѣ подвиговъ преподобнаго Елисея.

Предъ освященіемъ креста о. В. Бобковскимъ было произнесено теплое задушевное слово о смыслѣ и значеніи самого торжества, а въ концѣ—прот. І Сомковичемъ о подвигахъ преподобнаго Елисея и его сподвижниковъ. Затѣмъ, къ краткихъ безхитростныхъ словахъ, было произнесено поученіе — привѣтствіе участникамъ торжества жителемъ д. Роскоши А. Л. Чура. Подчеркнувъ значеніе настоящаго торжества, какъ торжества православія въ нашей мѣстности, А. Л. Чура, съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія и ярко выраженной душевной грусти, говорилъ о появленіи въ нашей мѣстности вѣроотступниковъ-баптистовъ, призывая слушателей къ твердому, по примѣру преподобнаго Елисея, охраненію уставовъ отеческаго православія.

Возникновеніе Лавришевскаго монастыря относится къ 12?5 году. Основателемъ его и первымъ архимандритомъ былъ преподобный Елисей, сынъ литовскаго князя Тройната. Несомнѣнно однако, что подвижничество на Низьвищской горѣ существовало и до преп. Елисея. По крайней мѣрѣ, въ жизнеописаніи преп. Елисея говорится, что, прибывъ въ пустынныя надъ рѣкою Нѣманомъ мѣста, онъ *нашелъ здѣсь одного русскаго монаха*, вмѣстѣ съ которымъ, собравъ многихъ сподвижниковъ, основалъ „лавру или большой монастырь". Во всякомъ случаѣ, можно полагать, что преподобный Елисей, занимавшій видную должность при дворѣ великаго князя Литовскаго — по всей вѣроятности Миндовга—и оставившій суету міръскую для подвиговъ вѣры, искалъ для своего подвижничества мѣста, уже прославленнаго подвигами благочестія другихъ отшельниковъ. Къ сожалѣнію, исторія не сохранила намъ ихъ именъ, и только въ мѣстномъ преданіи до сихъ поръ живетъ имя одного изъ нихъ, именно—Лавра, по имени котораго названъ и возникшій впослѣдствіи вблизи монастыря поселокъ —Лавришевъ (отъ словъ: „Лавръ йшоў" — шелъ черезъ топи и болота на Низьвищскую гору). Если тѣмъ не менѣе, основаніе Лавришевскаго монастыря связано съ именемъ преп. Елисея, то, надо думать, по той причинѣ, что преподобный, какъ человѣкъ обра-

зованный, примѣнилъ къ правильному устройству монастырской жизни на Низьвищѣ свой организаторскій талантъ и административный опытъ.

Прославленный духовными подвигами преп. Елисея и его сподвижниковъ, а также — нетлѣніемъ мощей преподобнаго, Лавришевскій монастырь игралъ огромную роль въ исторіи мѣстнаго края.

Слава о духовныхъ подвигахъ благочестивыхъ насельниковъ монастыря далеко разносилась за предѣлы монастыря, привлекая подъ сѣнь св. обители новыхъ видныхъ подвижниковъ. Такъ во второй половинѣ XIII вѣка въ Лавришевскомъ монастырѣ жили: сынъ князя Миндовга Войшелгъ, въ христіанствѣ Романъ, и Римундъ—Лаврентій, въ монашествѣ—Іеромонахъ Василій, сынъ литовскаго князя Тройдена. Римундъ построилъ въ Низьвищѣ Воскресенскую церковь, пожертвовавъ одновременно значительный вкладъ на нужды монастыря;—вообще содѣйствовалъ увеличенію монастырскаго благосостоянія.

Годъ кончины преп. Елисея неизвѣстенъ, хотя житіе угодника Божія отмѣчаетъ его кончину подъ днемъ 23 октября, какъ повѣствуется въ житіи, преподобный былъ убитъ своимъ слугой и питомцемъ, который въ припадкѣ изступленія, сдѣлался „подъ дѣйствіемъ діавола отцеубійцей". Господь вразумилъ несчастнаго убійцу: случайно коснувшись мощей преподобнаго, онъ исцѣлился отъ бѣснованія.

Господу угодно было прославить преп. Елисея нетлѣніемъ его мощей, которые открыто почивали въ Лавришевскомъ монастырѣ, источая чудеса. Между прочимъ, по сказанію житія преподобнаго, цѣльбоносныя его мощи однажды, при королѣ польскомъ и в. кн. литовскомъ Александрѣ, чудесно прогнали татаръ отъ монастыря: татарамъ чудилось, что весь монастырь полонъ войскомъ, хотя въ стѣнахъ обители не было ни одного воина. Напуганные видѣніемъ, татары поспѣшно отступили отъ монастыря. Мѣсто подвиговъ преп. Елисея было прославлено и чудотворными иконами Спасителя и Богоматери, которыя пребывали здѣсь до 1836 года, т. е. до упраздненія монастыря, послѣ чего были перенесены въ Деречинскую, Слонимскаго уѣзда, церковь.

Какимъ значеніемъ и извѣстностью пользовался Лавришевскій монастырь у современниковъ, видно, между прочимъ, изъ того, что въ числѣ его благотворителей были: князь Димитрій Корибутъ Ольгердовичъ; кіевскій князь Александръ Владимировичъ Олельковичъ съ супругой Анастасіей, а архимандриты монастыря занимали одновременно видныя епископскія каѳедры (Смоленскую, Пинскую).

По сказанію Лавришевскихъ старожиловъ (описаніе Лавришевскаго монастыря, составленное Ректоромъ Минской Дух. Семинаріи, Архимандритомъ Николаемъ) мощи преп. Елисея во время какой то войны были сокрыты въ землю; но по сожженію монастыря непріятелемъ не были уже найдены, хотя неоднократно были отыскиваемы любопытными на мѣстѣ древняго Лавришевскаго монастыря.

Въ 1836 году, какъ было упомянуто выше, Лавришевскій монастырь былъ упраздненъ, съ обращеніемъ монастырской церкви въ приходскую.

Въ 1913 году, трудами заботливаго Минскаго Архипастыря, Преосвященнаго Митрофана, въ Низьвищѣ, на мѣстѣ древняго монастырскаго храма, была устроена и освящена новая деревянная церковь, а при ней—корпусъ для монастырской братіи. Къ глубокому сожалѣнію, наступившая вскорѣ великая война не дала возможности для осуществленія въ полной мѣрѣ благихъ стараній и мыслей приснопамятнаго святителя, уничтоживъ дѣло по возстановленію Лавришевскаго монастыря почти на первыхъ порахъ его осуществленія. Во время войны погибли храмъ и монастырскія зданія, и только остатки фундамента да воздвигнутый въ семъ году крестъ напоминаютъ о мѣстѣ святѣ.

Урочище Низьвище входитъ въ настоящее время въ составъ Лавришевскаго прихода. Въ 1927 году, распоряженіемъ гражданскихъ властей, Лавришевскій приходъ былъ закрытъ, съ присоединеніемъ его сначала къ Щорсовскому, а затѣмъ—Негнѣвичскому приходу. Въ семъ году стараніями нашего Высокопреосвященнѣйшаго Владыки Алексія приходъ утвержденъ въ качествѣ штатной филіи.

У насъ.

Послѣ того, какъ Іюльская бесѣда Маршала Пилсудскаго съ представителями польской печати обратила общее вниманіе на внутреннюю политическую жизнь Польши, вторая половина того же мѣсяца обратила это вниманіе на внѣшнія отношенія государства. Этому способствовали два обстоятельства: невозможность достигнуть соглашенія между Польшей и Литвой, и антипольское выступленіе Бухарина на московскомъ конгрессѣ коммунистическаго интернаціонала. О причинахъ, затрудняющихъ польско-литовское соглашеніе, мы писали неоднократно. Какъ было раньше, такъ и до сихъ поръ главной причиной продолжаетъ быть упорство, съ которымъ литовское правительство Вальдемараса отказывается признать права Польши на Вильно со всѣми вытекающими изъ этого послѣдствіями. Эта позиція литовскаго правительства затруднила достиженіе соглашенія во время работъ польско литовскихъ комиссій въ Варшавѣ и Ковнѣ, она же заставляетъ относиться съ максимальнымъ скептицизмомъ къ перспективамъ дальнѣйшихъ переговоровъ между Варшавой и Ковно. Но какъ ни важенъ для Востока Европы вопросъ о польско-литовскихъ отношеніяхъ, выступленіе Бухарина поставило на первый планъ еще болѣе важный вопросъ объ отношеніяхъ между Польшей и совѣтской Россіей. Одно время казалось, что равновѣсіе этихъ отношеній можетъ быть нарушено такими эпизодами, какъ напримѣръ, покушеніе на варшавскаго торгпреда Лизарева. Выступленіе Бухарина, который прямо заговорилъ о войнѣ между Польшей и совѣтской Россіей и о той роли совѣтскаго авангарда, которую суждено сыграть во время этой войны польской коммунистической партіи, показало, что вопросъ ставится гораздо глубже и что въ отношеніяхъ между Польшей и ея восточнымъ сосѣдомъ существуютъ въ данное время непримиримыя противорѣчія, вызываемыя коммунистическимъ строемъ СССР. Польская печать очень рѣзко реагировала на выступленіе Бухарина. Офиціозная варшавская „Эпоха" въ передовой статьѣ по этому вопросу заявила:

„На VI конгрессѣ коминтерна въ Москвѣ одинъ изъ главныхъ лидеровъ совѣтской коммунистической партіи Бухаринъ прочелъ докладъ объ участіи польской коммунистической партіи въ будущей войнѣ между Польшей и СССР. Съ безпримѣрнымъ цинизмомъ Бухаринъ заявилъ, что въ случаѣ такой войны польская коммунистическая партія будетъ однимъ изъ тѣхъ главныхъ орудій, которыя будутъ находиться въ распоряженіи коминтерна. Въ концѣ своей рѣчи Бухаринъ дословно заявилъ слѣдующее: „Я полагаю, что конгрессъ единогласно предоставитъ исполкому коминтерна чрезвычайныя полномочія для обезпеченія единства польской коммунистической партіи. Для насъ выгоднѣе, если во время войны намъ придется имѣть

дѣло съ единой партіей, возглавленной настоящими рабочими, которые во время войны будутъ солдатами революціи и будутъ сражаться на нашей сторонѣ". Изъ этого заявленія, прежде всего, вытекаетъ одно логическое соображеніе: Бухаринъ полностью проводитъ знакъ равенства между коминтерномъ и совѣтскимъ правительствомъ, называя войну СССР съ Польшей войной коминтерна. „На нашей сторонѣ", какъ понимаетъ это выраженіе Бухаринъ, значитъ— на сторонѣ коминтерна. За эту искренность и чисто русскую прямолинейность господина Бухарина можно только поблагодарить. До сихъ поръ совѣтское правительство постояннодотвергало обвиненія, направленныя противъ него въ связи съ революціонной дѣятельностью и пропагандой коминтерна, утверждая, что не слѣдуетъ смѣшивать совѣтское правительство и третій интернаціоналъ. Ясно, что немногіе вѣрили этимъ заявленіямъ. Менѣе другихъ вѣрило имъ англійское правительство, которое именно по этой причинѣ прервало дипломатическія отношенія съ совѣтскимъ правительствомъ. Но формально эти объясненія совѣтскаго правительства признавались достаточными тѣми, кто во имя мира во чтобы то ни стало стремился къ поддержанію нормальныхъ отношеній съ СССР. Къ нимъ принадлежала и Польша. Нынѣ, послѣ несчастнаго выступленія господина Бухарина, позиція совѣтскаго правительства лишилась почвы подъ ногами. Трудно совѣтскому правительству отказаться отъ словъ „самого" Бухарина. Вѣдь Бухаринъ—наиболѣе дѣятельный членъ ЦК, редакторъ главнаго партійнаго органа „Правды", наконецъ—членъ политбюро, органа управляющаго судьбой и коминтерна и ВКП и СССР. Международной политикой Совѣтскаго Союза управляетъ вѣдь не г. Чичеринъ и не г. Литвиной и не г. Стомоняковъ, а именно политбюро, т. е. члены партіи, а не правительства. При такихъ условіяхъ заявленіе господина Бухарина пріобрѣтаетъ особое значеніе, а совѣтское правительство несетъ полную отвѣтственность за это заявленіе. Впрочемъ, очевидно, совѣтское правительство не старается болѣе играть прежней комедіи, ибо фактъ участія Рыкова въ президіумѣ конгресса и опубликованіе доклада Бухарина въ оффиціальномъ совѣтскомъ органѣ „Извѣстія" указываютъ на то, что стыдливое прикрываніе настоящаго облика СССР закончилось. Мы теперь оффиціально знаемъ. что совѣтское правительство и коминтернъ—это одно и то же, что совѣтское правительство стремится къ войнѣ съ Польшей и что въ этой войнѣ польскіе коммунисты должны сыграть роль шпіоновъ и диверсантовъ, т. е. роль, къ которой коминтернъ и совѣтское правительство систематически приготавливали польскую коммунистическую партію. При такихъ условіяхъ трудно не задать себѣ вопроса: не являются ли т. н. нормальныя отношенія между Польшей и Совѣтскимъ Союзомъ смѣшной комедіей, плохо разыгрываемой совѣтскимъ правительствомъ? Странно звучатъ при сравненіи съ заявленіемъ Бухарина переговоры господина Чичерина о заключеніи гарантійнаго договора! Если же мы будемъ говорить о польскихъ коммунистахъ, то надо полагать, что они не будутъ очень благодарны господину Бухарину за его, какъ никакъ авторитетное опредѣленіе роли и задачъ польской коммунистической партіи. Послѣ этого заявленія Бухарина никакая лига защиты правъ человѣка не сможетъ обращаться къ польскимъ судамъ съ претензіей по поводу того, что они на основаніи авторитетнаго заявленія Бухарича будутъ судить польскихъ коммунистовъ, какъ московскихъ шпіоновъ и диверсантовъ.

Польское правительство раздѣлило это негодованіе и польскій посланникъ въ Москвѣ Патекъ заявилъ народному комиссаріату иностранныхъ дѣлъ протестъ противъ бухаринскаго выступленія. О томъ, что послѣдовало за этимъ протестомъ, мы поговоримъ въ слѣдующемъ нашемъ обозрѣніи.

Переходя отъ вопросовъ внѣшней политической жизни Польши къ вопросамъ ея внутренняго положенія, отмѣтимъ, что наиболѣе безпокоящимъ былъ за послѣднее время дефицитъ торговаго баланса Польши. Печать по этому вопросу сообщаетъ:

Центральное статистическое управленіе въ Варшавѣ опубликовало оффиціальныя данныя о дефицитѣ торговаго баланса Польши въ іюнѣ с. г. По даннымъ этимъ вывозъ изъ Польши составилъ въ іюнѣ 1.010 886 тоннъ стоимостью въ 191.961.000 злотыхъ. Ввозъ въ Польшу составилъ за этотъ же срокъ 1.475.713 тоннъ стоимостью въ 289 510.000 злотыхъ. Такимъ образомъ дефицитъ торговаго баланса Польши въ іюнѣ с. г. составилъ 97.549.000 злотыхъ. Дефицитъ торговаго баланса Польши за первое полугодіе 1928 г. равняется 562.376.000 злотыхъ, а дефицитъ этого баланса за послѣдніе 15 мѣсяцевъ, во время которыхъ стоимость ввезенныхъ въ Польшу иностранныхъ товаровъ непрерывно превышала стоимость польскаго вывоза—962.376.000 злотыхъ.

Однако авторитетные и освѣдомленные круги сохраняютъ полное спокойствіе и повидимому убѣждены въ томъ, что неблагопріятный торговый балансъ не угрожаетъ Польшѣ никакими серьезными экономическими послѣдствіями.

Іерархія
Обновленческой Церкви въ С. С. С. Р.

52. Архіепископъ Чувашскій Тимоѳей (Викторъ Тергѣевичъ Зайковъ). Родился въ 1859 г., монахъ. Окончилъ курсъ въ Симбирской Чувашской учительской школѣ. Миссіонеръ, іерей. Епископомъ съ 5 мая 1923 года. По 6 е августа 1923 г. занималъ каѳедру епископа Чебоксарскаго, съ 12 марта 1924 г. состоитъ Архіепископомъ Цивильскимъ и Чувашск. области.

53. Епископъ Чебоксарскій Даніилъ, викарій Чувашской епархіи (Даніилъ Филимоновичъ Филимоновъ). Родился 1855 г., вдовъ. Окончилъ курсъ Казанской Инородческой Учительской семинаріи, при Духовной Консисторіи держалъ экзаменъ по богословскимъ предметамъ. Благочинный Епископомъ съ 29 февраля 1924 г. Съ 19 января 1924 г. епископъ Чебоксарскій, викарій Чувашской епархіи.

54. Архіепископъ Ярославскій Мельхиседекъ (Михаилъ Иннокентьевичъ Николаевъ) Родился въ 1870 году, монахъ. Окончилъ Московскій университетъ. Игуменъ Желѣзноборовскаго монастыря, Костромской епархіи. Экономомъ Омскаго Архіерейскаго Дома. Епископомъ съ 26 го сентября 1920 г. Съ 1920 г. Епископъ Каширскій, съ 1922 г. по 1924 г. Архіепископъ Донской и Новочеркасскій, съ 1 марта 1924 г.—Владикавказскій и съ 20 ноября 1925 г. правящій Ярославской епархіей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Redaktor-Wydawca P. Ziemcow. Редакторъ-Издатель П. Земцовъ.

Drukarnia Synodalna, Warszawa-Praga, Zygmuntowska 13.

За объявленія Администрація журнала не отвѣчаетъ.

Объявленіе.

Ректоратъ Государственной Православной Духовной Семинаріи въ г. Вильнѣ настоящимъ объявляетъ, что съ особаго разрѣшенія школьной власти 3 и 4 сентября с. г. будутъ производиться пріемныя испытанія во всѣ классы Семинаріи за исключеніемъ IX-го.

При Семинаріи существуетъ Интернатъ, содержимый на государственныя средства. Достойнѣйшіе и нуждающіеся воспитанники Семинаріи могутъ разсчитывать на содержаніе ихъ казеннымъ столомъ въ Семинарскомъ Общежитіи.

OGŁOSZENIE.

Rektorat Państwowego Seminarjum Duchownego w Krzemieńcu ogłasza, iż egzaminy wstępne do klas I—VIII Seminarjum w terminie powakacyjnym odbędą się w dniach 3, 4 i 5 września 1928 roku.

Egzamin mogą składać tylko kandydaci, którzy nigdzie w Zakładach Państwowych średnich nie zdawali egzaminu wstępnego przed wakacjami letniemi 1928 roku. Rektorat Seminarjum.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Съ благословенія Его Блаженства въ пос. Войславицахъ на Холмщинѣ открываются курсы для подготовки въ псаломщики. За подробностями обращаться къ Завѣд. Курсами Протоіерею Ксенофонту Милькову по адресу:

Poczta Wojsławice Z. Lubelskiej.

Православные христіане!

У кого въ сердцѣ тлѣетъ хотя искра любви къ Св. Православію, взываемъ къ вамъ съ довѣріемъ и надеждой, помогите нашему горю. Народъ возвращается въ свою прадѣдовскую православную вѣру и не имѣетъ гдѣ помолиться, православнаго храма у насъ нѣтъ. Твердо надѣясь на помощь Всевышняго и на испытанную христіанскую лепту, Церковный Комитетъ Православной Общины въ г. Коломыѣ и настоятель оной, съ благословенія Блаженнѣйшаго Владыки Митрополита, рѣшили обратиться съ протянутой рукой ко всѣмъ ревнителямъ Св. Православія за помощью для возведенія св. храма въ г. Коломыѣ. Пожертвованія просимъ направлять по слѣдующему адресу: Общество „Самопомощь" ул. Красинскаго № 15, г. Коломыя, или Млынская низшая № 30, на имя свящ. Романа Лещишина.

Это обращеніе просимъ перепечатать въ газетахъ и духовныхъ журналахъ всѣхъ Епархій.

Настоятель православнаго прихода въ г. Коломыѣ свящ. Романъ Лещишинъ.